

Вектор

Никита Чирков

Вектор

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чирков Н. В.

Вектор / Н. В. Чирков — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Вектор)

ISBN 978-5-532-11700-6

Вектор – это не просто космическая станция по исследованию внеземных объектов. Это шанс для многих людей избавиться от пут рутинной жизни и посвятить себя науке вдалеке от известного мира, в глубине бескрайнего космоса. Прилетев на Вектор после единственного за многие годы письма от старшего брата, Харви рассчитывал на воссоединение семьи. Желание искупить перед братом вину, вынуждают Харви не только адаптироваться под неожиданные реалии станции, где забываются все понятия морали и нравственности, но и лишают его шанса на возвращение, ведь чем дальше он погружается в Вектор, тем больше понимает, насколько само понятие жизни, отныне считается устаревшим.

ISBN 978-5-532-11700-6

© Чирков Н. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Запись 1	5
Запись 2	7
Запись 3	8
Запись 4	10
Запись 5	12
Запись 6	13
Запись 7	14
Запись 8	16
Запись 9	18
Запись 10	20
Запись 11	22
Запись 12	24
Запись 13	26
Запись 14	27
Запись 15	28
Запись 16	29
Запись 17	32
Запись 18	35
Запись 19	37
Запись 20	39
Запись 21	41
Запись 22	43
Запись 23	44
Запись 24	46
Запись 25	48
Запись 26	50
Запись 27	51
Запись 28	52
Запись 29	53
Запись 30	54
Запись 31	57
Запись 32	58
Запись 33	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Никита Чирков

Вектор

Запись 1

После пробуждения ото сна наступает дезориентация в пространстве – это является меньшей из проблем на фоне временной амнезии. Странное ощущение, когда понимаешь, что находишься далеко от дома, среди бескрайнего космоса, и пытаешься вспомнить, куда ты прилетел и зачем. Но все могло быть хуже из-за побочного эффекта анабиоза, после которого есть шанс забыть самого себя. К счастью, я избежал данного последствия и вскоре, благодаря компьютеру и журналу, вспомнил все.

Как оказалось, единственная причина, по которой мне пришлось лететь сюда, – это мой старший брат Нолан Росс. Следую я этой цели не по собственной инициативе, не от желания увидеть родного человека и почувствовать единение с членом семьи. Все еще с несколькими сомнениями, но одно точно – мы не ладим уже давно, и, наверное, так бы все и осталось, не получи я от него сообщение спустя несколько лет нулевой поддержки связи. Оно было сильно повреждено, и я толком не смог понять всего, что он пытался мне передать: видимо, спутники связи все же работают с перебоями. Но тех крупиц информации, из которых я понял, что он в беде, хватило, чтобы использовать это как идеальный предлог для налаживания старых отношений. И я двинулся в путь, ведомый координатами, откуда была отправлена его весточка. Отведя взгляд от поврежденного письма, что было открыто на экране компьютера, я взглянул за иллюминатор, где среди бесчисленных звезд невооруженным взглядом видно место, где находится мой брат. Против своей воли я понимаю, что лечу в место, где никогда не бывал, чтобы увидеть брата, который уже давно стал другим человеком.

Космическая станция Вектор, один из гигантских исследовательских комплексов по изучению внеземных объектов. Здесь люди живут, работают и заводят семьи, такие станции частично заменяют дом и зачастую находятся в других системах, откуда до планет и спутников добраться зондам куда быстрее. Данная станция почему-то явно отошла от близлежащих планет, что, несомненно, странно, хотя данная практика вполне реализуема. Так что вариантов для оправдания наберется немало, хотя это не мое дело. Попасть сюда для многих – счастливый билет: сорок лет работы – и тебя с семьей отправляют на незабываемую пенсию с приличным счетом в банке и своим участком на земле, чтобы было где дожить свои дни. Облетая вокруг станции, очень отчетливо замечаю множество иллюминаторов, издающих яркий свет от внутреннего освещения. Если не брать во внимание мелкие нагромождения, несущие технические функции, остается цилиндрическая форма с выпирающими прямоугольными стыковочными блоками для спасательных капсул и беспилотных зондов разведки и изучения. Создающееся вращение внутренним стержнем позволяло существовать искусственной гравитации. Также вокруг, почти вплотную и еле заметны издали, извиваются монорельсы, дабы облегчать путь по станции.

Подлетая, корабль автоматически передает сигнал станции, так что меня должны встретить. С каждой секундой моего приближения огромные размеры станции закрывают собой звезды, словно окутывая мой корабль и не будь на внешней стороне станции световых сигналов, то показалось бы, словно я погружаюсь в непроглядную темноту. Скоро стыковочный отсек откроется и времени на обдумывание слов уже не будет. С моей стороны было темнее, так что, когда массивные металлические двери раздвинулись с легким скрипом и в лицо ударил яркий свет, я прикрыл глаза рукой, ощущая тепло ламп, и через пару секунд они уже привыкли.

Меня никто не встретил. Сделав пару шагов, я вышел со своего корабля и стал пассажиром Вектора. Перед глазами довольно большое помещение, слева и справа еще такие же отсеки для стыковки, впереди стоит приемная для прибывших, где они должны отметиться, пройти сканирование, сдать багаж и оформить пропуск, – но там никого нет. Не спеша и в некотором смятении я сделал несколько шагов и прошел до центра зала. Осматриваясь по сторонам, не наблюдаю ни одного человека, ни единого знака, способного объяснить данное отсутствие каких-либо признаков жизни.

– Тут есть кто-нибудь? – крикнул я, полагая, что кто-то должен был услышать и встретить меня, но ответа так и не последовало, лишь плавное эхо удалилось вдаль. Я не привык сидеть на месте. По указателю под потолком один из коридоров приведет меня к администрации этого уровня. Главное – далеко не уходить, ибо без карты даже при наличии указателей есть шанс заблудиться, во всяком случае, до тех пор, пока не добуду схему помещений.

Запись 2

Идя по длинному коридору, благодаря абсолютно непривычной тишине, я слышу лишь свое дыхание и сердцебиение, что, разумеется, нервирует. И это не беря во внимание факт отсутствия встречи хотя бы с одним человеком, что, пожалуй, самое неестественное для станции такого масштаба. Может быть, она заброшена или здесь собираются проводить ремонт и всех временно переселили? Но где же тогда весь инструмент, планы выделенной зоны, рабочие? Прошел мимо нескольких комнат: те, что были открыты, пусты, остальные заперты, и ни единого намека на то, где все могут быть.

Сложно описать мое удивление от того, что я увидел, когда дошел до перекрестка и встал посередине него. Все четыре коридора абсолютно пусты и создают впечатление безграничного лабиринта. Еще несколько громких криков о помощи в разные стороны – но ответа не последовало, кроме слабого заставляющего нервничать эха. Следуя знакам направился налево – там ближайшая администрация этого сектора, кто-то должен быть или как минимум какая-нибудь информация о том, что же здесь произошло... или происходит. Не знаю, имел ли Нолан что-то подобное в своем сообщении, но отсутствие всех людей волнует меня сейчас несколько более, чем он.

Когда рядом есть кто-то, кроме тебя, этого не замечаешь: наличие естественного шума, голосов поблизости находящихся людей является самым обыденным и привычным для любого человека. Сейчас, в этой тишине, я чувствую себя изгоем, брошенным на произвол судьбы и забытым. Коридор закончился, и за дверями справа меня ждала администрация. Попав туда, я все так же оставался один. Круглая стойка с большим количеством компьютеров посреди большого зала. Множество мелких вещей моментально бросается в глаза: журналы, книги, предметы роскоши, нерабочие КПК. На мой крик все так же нет ответа, и, как бы я ни искал причин этому, ничего логичного в голову не приходило. Из одного конца в другой я обошел все, каждый диван, каждую стойку – пусто. В итоге я просто остановился, чтобы подумать. Что могло такого произойти, отчего на станции, на которой трудится несколько тысяч человек, я нахожусь один? Самое главное – что мне теперь делать? Чувство времени в данных условиях теряется, и, если бы не настенные часы, я бы так и не понял, как потерял не часы, а всего несколько минут. Компьютер на стойке администрации – там наверняка есть что-то, должно быть. На мгновение я не поверил в его работоспособность из-за слоя пыли, наличие которого – плохой знак, но одно нажатие кнопки развеяло сомнения.

«Сообщение из стыковочного отсека. Представляться нет смысла, уже нет. Никакой эвакуации не будет, доступа к шлюзам или эвакуационным капсулам нет. Они заблокированы, кем – неизвестно. Мне осталось недолго, так что к остальным присоединиться не успею. Надеюсь, что никто не пойдет сюда в надежде улететь и моя жертва принесла информацию, которая спасет хоть кого-то. Берегите силы и укрепляйтесь. Спаситься не получится, удачи всем вам».

Запись 3

Я прослушал эту запись пять раз. Она пугает своей поверхностностью и отсутствием конкретики, которая в данном случае помогла бы мне или любому слушателю определиться со степенью риска и примерным отношением к явно скрытому происшествию. В случае неточных данных этого посыла, еще и в новом месте, стоило бы прислушаться и поверить – но, как и следует человеческой природе, любопытство не позволяет сделать такой разумный шаг. Все это можно было бы списать на человеческий фактор, если бы не надпись, которую я сначала не заметил под слоем пыли, белым маркером прямо на стене рядом: «Не верьте словам об ужасе и смерти. Это глупости, мир прекрасен, и мы должны радоваться каждой секунде и делиться этим с окружающими. Никакого зла нет, как и тех ужасов, что якобы происходят вокруг». И подпись: «Сара». Два противоречия, и оба максимально утрируют свою тематику, что мешает трезво следовать одному из них и провоцирует на выяснение справедливой истины.

Я быстро вернулся на свой корабль, только не для бегства отсюда, а лишь чтобы взять свой пистолет и пару обойм. После чего я отправил экстренное сообщение по всем каналам связи. На экране появилась надпись об отсутствии связи и перевод сообщения в режиме ожидания. Обычно это не удивило бы, но сейчас это кажется странным. Уже бегом я вернулся к администрации и сразу установил новые схемы на КПК. Металлический корпус и размером с небольшую книгу, такие использовались здесь с той целью, что надежность была важнее комфорта. Немного громоздкие, старомодные, но надежные и использующие строго индивидуальную операционную систему подобных станций, существующих на государственные и частные деньги. К счастью недалеко лежал бесхозный, и обнулив систему, смог получить доступ и взять в свое пользование. В схемах должны быть данные о владельцах комнат или рабочих местах, по-другому найти брата я не смогу. Спустя несколько минут поисков нашел номер его комнаты – она на этом уровне, 634Н. Рабочего места тут нет, похоже, данные разделены по уровням, но пока этого хватит. Надеюсь, что я не опоздал и его сообщение не будет причисляться к хроникам событий, которые здесь произошли.

Быстрым темпом я иду по коридору, оглядываясь по сторонам в надежде что-нибудь заметить, даже не представляя, чего ожидать и насколько все серьезно, крепко сжимая пистолет обеими руками. Но я не могу идти просто вдоль прямой – и поэтому заглядываю в каждую открытую комнату в надежде, что найду кого-то или что-то, способное пролить свет на причины нынешнего положения Вектора. Все это тяжело, и после половины пути все пустые коридоры и абсолютная тишина уже не так сильно давят на восприятие, как оставленные вещи в жилых комнатах. Фотографии людей, как единичные, так и семейные, разные вещи, всякие побрякушки, редкие книги – это не может оставить равнодушным, ибо наличие данных атрибутов и отсутствие их владельцев заставляют предполагать неблагоприятный исход. Давно ли вообще на этих кроватях спали, а по коридорам ходили люди, а не беззвучная пустота? Мысли об этом затягивают все больше, в голову приходят вопросы на тему того, как они жили: у всех ведь свои жизни, друзья, любимые, характеры, судьбы... смерти. А что сейчас – лишь их отголоски, пустота и абсолютная неизвестность.

Мне повезло: в левой части небольшого зала впереди есть терминал – возможно, там будет больше информации. Но мне пришлось притормозить: в последней комнате справа я увидел то, что не могло не обратить на себя мое внимание. Почти все стены были в зеркалах разных размеров и форм, даже часть потолка была закрыта ими, словно их коллекционировали, не имея дизайнерского вкуса. В углу, около спального матраса, лежащего на полу, брошена камера цифровой видеозаписи довольно старого типа. Взяв ее, сразу включил – на экране появилось лицо молодой девушки: длинные темные волосы, красивые большие глаза зеленого цвета.

«Привет, мам, пап, как у вас там дела? Надеюсь, что все хорошо, ведь у меня они идут прекрасно. По правде говоря, сначала было ужасно, все время кто-то умирал или люди просто убивали друг друга, мне тогда было очень страшно и вас очень не хватало. Но потом, почти сразу, у меня появился друг, и он защитил меня от всех других людей, что были не в себе, хоть Сара и просила нас помогать им, но мне это было не интересно. Правда, он сказал, что за мою защиту я должна всегда быть с ним и больше ни с кем не общаться. И еще попросил, чтобы в моей комнате были везде зеркала, так он сможет всегда быть со мной. Конечно, я согласилась, никого больше нормального нет, и общаться не с кем. Вообще, он отличный, знает много историй, мне всегда с ним интересно, и он умеет веселить, проявляет массу внимания, и мы еще ни разу с ним не ссорились. Надеюсь, у нас все будет хорошо и мы с ним не расстанемся, вам он точно понравится. Жду не дождусь, когда вы познакомитесь. Все, мне пора, люблю вас, целую, не скучайте».

Это было совершенно не то, что я ожидал увидеть или услышать, и лучше бы я этого вообще не видел, ибо теперь вопросов еще больше, и мне страшно представить, какие ответы могут быть. Если кто-то умирал, а тем более был убит, да и не один раз, власти бы узнали про это: подобное сокрыть невозможно на такой станции, ведь Вектор – не маленький, это огромная космическая станция, на ней связь поддерживается круглые сутки. Трагедия таких масштабов не осталась бы незамеченной как минимум журналистами, которые, как и гражданские, следят за прогрессом работы Вектора и ему подобных, как за величайшим прорывом в области науки. Надо поскорей найти Нолана, теперь у меня большое сомнение насчет него и содержимого в его сообщении, которое я целиком так и не смог прослушать из-за повреждения пре пересылке. Слишком долго мне было плевать на его жизнь, и без поддержки связи я в полных потемках неизвестности о том, чем тут могли заниматься и как с этим связан мой брат. Загрузив схему сектора, я смог найти оптимальный маршрут к комнате брата. Пока я иду по длинному коридору, из головы не выходят слова девушки. Мне страшно представить, что еще могло произойти и что я могу встретить.

Запись 4

Я прошел первый сектор и встал на развилке, чтобы осмотреться по сторонам. На стене снова надпись белым: «Любите, и жизнь ваша будет прожита не зря», еще одно сообщение от слишком добрых людей, цель которых, кажется, ясна настолько же, насколько не ясна. Если верить схеме, мне налево, до конца сектора. В коридоре нестабильное освещение, многие лампы медленно включаются и выключаются, и это несколько настораживает, так что лучше не рисковать. Достав фонарик, на всякий случай я оставил его включенным и держал на уровне плеча. От звука, что издают лампы при мигании, мурашки по коже, мне вдруг стало не по себе, и я крикнул, нет ли кого рядом, кто мог услышать. Случилось это машинально и мимолетно, но я сразу взял себя в руки. Хотя не исключено, что кто-то, может быть, жив и прячется, боится того происходящего здесь и неведомой для меня угрозы. Но если все же найдется хоть кто-то, то риск будет оправдан, на обратный случай у меня есть пистолет.

Примерно на середине пути очередной поворот направо, и если сначала я ничего привлекающего внимание не увидел, то через секунду в самом конце заметил нагромождение. Пара металлических тумб и куча ящиков – на склад это не похоже, и, отойдя от маршрута, я решил проверить. То, что я вижу, – это забаррикадированная дверь. Но кто там или что? Бедняга, выживший или какой-нибудь сумасшедший, – если следовать здравому смыслу, то нужно забыть про это и идти дальше, но мое любопытство не дает этого сделать. Там может быть раненый, кто-то, кому нужна помощь, и, возможно, этот человек даст некие ответы на крайне необходимые мне вопросы. На мои крики, как и ранее, никто не откликнулся, а в такой тишине я бы услышал чье-нибудь дыхание или тот же голос. Сняв ящики, я постучал – отклика снова не было. Это была дверь старого типа, на петлях, и открывалась она наружу. Такое редко встретишь, но здесь, на Векторе, это сильно выделяется. Еще одна попытка выйти с кем-нибудь на контакт была впустую. Потоптавшись на месте минут пять, я наконец отодвинул со скрипом железные тумбы, полностью освободив дверь. Проверив пистолет и открывая левой рукой дверь, правой направлял оружие в появляющуюся щель. И вот, открыв дверь нараспашку, я был одновременно ошеломлен, удивлен и озадачен. Комната пуста, и, на первый взгляд, в ней словно и не жил никто, но, сделав пару шагов вглубь, я обратил внимание на кровать у левой стены. Почти по всей поверхности одеяла была засохшая кровь, словно ее разлили. Так же казалось, слово смерть здесь была в муках и борьбе, остатки одежды лохмотьями валялись на матрасе. Почувствовал приходящую тошноту от вида и запаха. На столе справа заметил тетрадь. Сдув с нее слой пыли, я медленно открыл первую страницу, не поднимая ее со стола.

«1 день:

Мы проснулись в пять утра от того, что кто-то подпирал дверь чем-то тяжелым. Весь последующий день попытка за попыткой открыть ее или докричаться хоть до кого-нибудь провалились. Как бы громко мы ни кричали, единственное, что мы слышали, – это такой же еле уловимый крик. Я просто не знаю, что происходит, поначалу думали, что кто-нибудь из ребят пошутил, но это не так.

4 день:

Выбраться не получилось. Попытки выйти с кем-то на контакт бесполезны. К счастью, мой брат Джозеф всегда был немного параноиком на такие вещи и запасся провиантом, но надолго ли его хватит? Да и он не в лучшем состоянии, его вера в Бога и в проклятие не приносит ничего хорошего, только усугубляет его взгляды. Мои силы еще не иссякли, но с таким прогрессом мы долго не продержимся, и возможно то, что я пишу уже мемуары.

10 день:

Первый контакт с людьми – все, что нам сказали: «Так вы в безопасности». Потом они ушли, и больше никого не было. Что же это все значит, непонятно ничего, и это совсем ломает дух. Джозеф почти стал параноиком, свою часть комнаты он расписал словами, молитвами и непонятными знаками. С ним почти не войти в контакт. И больше всего я боюсь, что он наложит на себя руки. Лично я не знаю, что думать, это словно проклятие, будто мы так уже годами простаиваем без признаков выживания. От количества возможных вариантов, приведших к такому, спасают лишь книги, помогают отвлечься.

12 день:

Я боялся, что подобное произойдет, ведь все это не может не отразиться на нас, но надеялся, что все пока не так плохо. Когда Джозеф приставил мне нож к горлу, я понял, что все потеряно и его разум совершенно утратил связь с реальностью. Он нес какую-то чушь, винил во всем меня, просил дать ему возможность искупления или чего-то в этом роде. Пришлось силой утихомирить его, пока он забился в угол и молчит, ни единого признака человечности. Попытки помочь ему или хоть как-то воздействовать бесполезны, что еще больше ломает меня, и порой кажется, что судьба наша будет общей. Я все надеялся, что это временное заточение: не могут же нас тут так оставить умирать.

13 день:

Только сейчас мои руки перестали трястись, поэтому и пишу так поздно, хотя и сам не знаю зачем, словно это единственное, что осталось важным для меня. Около пяти часов назад я убил Джозефа. Почему я постоянно уточняю время, никого другого тут нет. Голыми руками мне пришлось сделать это, или он бы сделал это со мной. Сначала мы дрались, словно звери, а потом это случилось – и все. Я сидел в углу, скрючившись, меня трясло, и я все пытался понять, зачем это, как мы пришли к такому. Он был моим братом, человеком, которого я любил. Словно все сейчас – действительность, а все воспоминания – вымысел. Разве это спасение – если они имели в виду, что так продлили нам жизнь, то лучше бы смерть настигла нас с самого начала. По правде говоря, глядя на всю картину сейчас, я бы позволил ему убить меня – теперь меня ждет непонятное бесконечное страдание, длящееся вечность. И отсутствие еды меня уже не смущает, я теперь готов примириться со смертью. Но сколько мне ждать, что проиграет раньше – разум или тело?

15 день:

Это моя последняя запись, и я надеюсь, чтобы то, что я написал, прочел хоть один человек, ведь это единственное, по чему можно следить за моим состоянием, контроль над которым я уже давно потерял. Реальность и убеждения начинают трещать по швам, когда идее некуда развиваться, особенно в четырех стенах. Вопросы на тему дальнейших действий отпадают моментально, оставляя лишь не уместающийся в понимании факт. Почему получилось именно так, именно он и именно сейчас? Все это связано, и в конце концов я понял всю трагическую картину из мелочей. Почему мне казалось, что у меня есть брат, которого не было никогда, и все связанное с ним – лишь вымысел?»

Запись 5

Меря шагами комнату, я стараюсь уложить в уме новые данные, чтобы снова попытаться поймать что-то дарующее объяснение. Возможно, что-то произошло, и совет управления решил изолировать Вектор, отрубить связь и похоронить нечто ужасное вместе со всеми. Но ни один из вариантов сценария, приведший к этому, не мог произойти незаметно: если бы Вектор пропал из виду, люди бы узнали. Никаких известий о трагедии не было, все здесь сходили с ума, и нет ни единого человека, словно разом исчезли. От злости непонимания я скинул одним махом весь скромный атрибут со стола, вместе с тетрадкой.

Слегка успокоившись, я вышел обратно в коридор и, взглянув налево и направо, увидел пустые коридоры, которые соединяли множество других пустых комнат и вследствие окутывали всю станцию. Кроме своего дыхания и стука сердца, я ничего не слышу, ни голосов, ни движения, ни каких-либо звуков – и тут я понял, точнее сказать, сделал предположение. Что если проблема не в химии или каких-то экспериментах, что если всему виной станция, открытый космос, это одновременно уединение и чувство полной изоляции в четырех стенах, глубоко в открытом космосе? Оно заставляет иначе взглянуть на все моральные принципы и устои человеческого общества, ведь отдаленные от основного мира люди часто теряют связь с тем самым миром. Про это вроде даже кто-то книгу написал, но с научной точки зрения такая теория еще не доказана, насколько я помню.

Вскоре передо мной оказалась комната брата. «Нолан Росс, главный инженер» – надпись слева от двери, которая была сделана на петлях, в старом стиле: похоже, что стандарты его также не устраивали. В комнате горела лишь небольшая лампа на стене. Осмотрел шкаф, стол – ничего нет, ровно заправленная кровать, и все. С каждой секундой пребывания в его комнате злость накапливает из-за отсутствия прогресса в его поисках и каких-либо подсказок о его судьбе. К сожалению, сдерживать ее не так просто, но я из тех людей, которые делают это быстро, и пара ударов по стене кулаком уже сделала меня спокойнее. Раз уж в комнате его нет, что было даже ожидаемо, то только рабочее место представляет интерес. Только вот надо понять, куда идти, и с ближайшего терминала скачать данные и посмотреть, где оно. Я рассматриваю разные фотографии на стенке шкафа Нолана, что пробуждает много разных воспоминаний. На одной мы вместе, как раз окончили академию, и кто бы мог подумать, как много всего произойдет в следующие десять лет. К моему удивлению, у него также висит наша общая фотография, с моей свадьбы.

Запись 6

Когда я начал выходить из комнаты, услышал странный звук, исходящий непонятно откуда и напоминающий еле уловимый скрежет. Я осмотрела внутри, и мое внимание прибило к себе потолок. Он был немного в странной паутине, и шла она прямо из вентиляционного отверстия под ним, если не вглядываться, то ее и не видно. Тут я заметил небольшого паука, точнее, он частично похож на него, немного больше, чем стандартный безобидный вид. Какая-то несуразица: на станциях разрешены питомники, но про насекомых я не слышал, во всяком случае, если это касалось гражданских. Его лапки длиннее, а само строение тела больше похоже на комок костей – что за ужас. Как только он заметил меня, сразу стал спускаться на тоненькой паутинке вниз так же из задней части туловища. Он остановился на уровне глаз, и мы просто смотрели друг на друга, как бы глупо это ни звучало, но забыть его маленькие глазки мне будет не просто. Потом он издал резкий пискливый звук, чего на моей памяти не наблюдалось за пауками, и мой интерес перерос в осторожность. Подобный звук был и в другом месте и становился все громче, и как только он достиг своего апогея, из вентиляции начали выбегать десятки таких же, как он, а может, и сотни. Они начали расплзаться по всей комнате. Из-за неожиданно нахлынувшего страха я не мог пошевелиться, но вскоре нашел силы и быстро выбежал, закрыв дверь, – их моментальная реакция чуть не стоила мне жизни. У двери нет наружного замка, а панель для блокировки не работает, и мне приходится спиной подпирать ее, чтобы они не вырвались наружу. Я слышу их крики и чувствую их ярость, как они царапают дверь и стены, бегая по всей комнате в поисках выхода. Но это ненадолго: если они пришли через вентиляцию, то так смогут и найти путь обратно. Ор становится громче и громче, я чувствую, как комната заполняется ими, и я не знаю, что делать. Сдерживать дверь становится немного трудно, несмотря на их маленький размер, и это самое пугающее и удивительное. Даже при моих восьмидесяти килограммах и неплохой физической подготовке, каким-то образом приходится использовать все свои силы. Если уйду от двери, они вырвутся и настигнут меня, а патроны бесполезны. Если буду ждать, то дождусь, как они найдут другой путь, – и мне конец. Крики этих тварей еще больше ведут меня к панике, я кричу во все горло о помощи, но нет никакого ответа, кричу снова – так громко, что самому становится страшно. Осматриваю все, начиная с карманов и заканчивая коридорами и комнатами. Прямо впереди – небольшой проход с дверью в конце, а с левой стороны еще одна комната, двери открыты, и на столе внутри, прямо у входа, лежит множество разного хлама, но среди всего есть баллончик типа освежителя воздуха. К счастью, у меня была зажигалка, я точно просчитал каждое действие и каждый шаг, чтобы не ошибиться. Остается самое главное – начать.

До двери метров десять, я достал зажигалку, проверил работоспособность и еще раз все продумал, каждое движение и действие. Сердце стучит, как отбойный молоток. И вот я побежал, дверь позади моментально распахнулась – и громкие крики пауков стремительно заполнили тишину. Схватив баллончик, я обернулся и под пламенем зажигалки начал палить их огнем. То, что я увидел, было страшно: они были везде – на полу, на потолке, на стенах, малейшая секунда промедления могла убить меня, поэтому делать все приходилось очень быстро. Коснувшись сенсора, чтобы дверь открылась, я понял, что забыл о самом главном: там может быть блокировка или необходим специальный доступ.

Запись 7

Несколько минут я просто сидел на полу со согнутыми ногами, прислонившись к двери спиной, и продолжал слушать их там, снаружи. Сначала я думал о том, откуда они, почему они такие, да и как все это может быть связано с отсутствием людей. Но вскоре мне стало плевать: ответы – они ничего не дадут и выжить не помогут. Прошло еще несколько минут, прежде чем я оторвал взгляд от пола, приходя в себя и привыкая к такому явлению, как выживание. И куда же меня занесло: большое помещение, столы с компьютерами, стеклянные перегородки – офис или технический отдел, где лишь в конце справа – единственный выход. Но сначала терминал, что в левом дальнем углу. Подойдя к нему и подключив КПК, включил поиск и стал ждать. Каждую секунду я противлюсь мыслям о том, что спасти меня будет некому и в прямом смысле все зависит от меня, человека, который проходил военную подготовку лишь в армии, и то давным-давно. Тогда было не страшно, я знал, что дома ожидает старший брат, который не бросит и всегда поддержит, в отличии от родного отца, во всяком случае, смотря что считать поддержкой. Находясь здесь и сейчас, при нынешних стрессовых ситуациях, я понял четко и ясно, насколько ощущается власть над собой.

От размышлений отвлек терминал, который закончил поиск рабочих мест и дал мне нужное, что территориально находится ниже этажом. Кабинет номер 302. Радость может пугать, до ближайшего лифта идти не близко, хотя, будь это при нормальных обстоятельствах, расстояние не казалось бы таким большим. Я прошел мимо компьютеров к двери, и мне показалось, словно я слышу кого-то, возможно, людей. Однако, когда я осмотрелся, надежды не оправдались: видимо, стресс дает о себе знать. Я стою вплотную к двери, одно нажатие сенсора справа откроет ее – и я окажусь снаружи, но я не делаю этого. В этом помещении настолько спокойно, насколько мне не хочется выходить. И, может, стоит остаться здесь, спрятаться и ждать помощи? Кто-то получит мое сообщение, придет и поможет выбраться с этой станции без риска и опасности. Но реально ли рассчитывать на такое, много ли у меня шансов, или все эти мысли – лишь следствие паники? Все равно страх – это такое дерьмо, которое меняет тебя. На секунду я чуть не заплакал: это все словно дурной сон, который будто душит меня, и желание проснуться становится равносильно желанию жить. Но это лишь секунда – и, просто нажав на сенсор, я вышел.

Весь следующий коридор я прислушивался, нет ли поблизости пауков, – к счастью, было тихо. На перекрестке впереди был автомат с напитками и едой, и я решил перекусить. Стекло было уже сломано, осколков нигде не было видно, и внутри я нашел лишь пару батончиков и полупустую бутылку с водой. На стоявшем рядом диване не сиделось, так что я просто ходил на месте, пытался сконцентрироваться и немного передохнуть. Через пару минут, закончив так называемый обед, встав на перекрестке, сверился с картой – мне налево. Но, свернув направо, я медленно двигался к единственной двери по левой стороне. Дверь, к которой с самого перекрестка тянется белая линия со стрелкой, прямо по стене, на уровне глаз. Осторожно подойдя к ней, прочел имя владельца – Сара Айсли – и, осмотревшись по сторонам, используя панель, открыл и вошел вовнутрь. То, что я увидел, забыть сложно, и главная причина этого заключается в отсутствии привычного антуража комнаты. Мебели не было, лишь стулья в количестве десяти штук, стоящие по кругу, заполняли пространство. Стены были исписаны наставлениями мудрости и добра: «Не противьтесь счастью», «Никакого зла нет», «Любите жизнь» и так далее. Все они про одно и то же, кроме одной надписи, которая была над входом, и, видимо, сделано это ради последнего наставления тем, кто выходил отсюда: «Освободите тех, кто не способен любить». Прямо некий культ счастья, только все это плохо складывается в общую картину, учитывая те случаи, когда люди сходили с ума и довольно неплохо поощряли насилие.

На одном из стульев лежит КПК, там есть запись, и я не смог удержаться от ее прослушивания: «Друзья мои, это снова Сара Айсли. Я знаю, что сейчас трудное время, и я требую сложных решений от нас. Наши действия направлены на любовь и счастье, но большинство людей не понимают, что кроме этого ничто не важно, ведь наша жизнь единична и уникальна, и если мы будем вершить зло, то какой в этом смысл, кроме как плодить другое зло. Человек должен быть счастлив, для этого мы в этом мире, и если есть несчастные люди, наполненные гневом и болью, что разрушает их и мучает, то разве не наш с вами долг милосердно избавить их от бесконечных мучений? Это трудно и даже ужасно, но что может быть благороднее, чем избавлять несчастных от всего плохого в них! Не бойтесь спасать людей от самих себя. Я люблю вас всех, и наша задача – подарить любовь и покой каждому, кто страдает в этих стенах так далеко от дома».

Добро и любовь – вот что было в ее голосе, приправленном упорством, и она была ведома слепой верой во вполне счастливые ценности. Противоречия – очередной конфликт ценностей, преподносимых здешним жителям. Когда есть зло, понять его не сложно, как и противостоять ему. Но здесь вполне добрые мотивы, звучащие более чем разумно, что и пугает, ибо все слишком идеально, а такое не может не заставить сомневаться. Причем говорила она правду: любовь и счастье – вот что важно. Видимо, тут проводились собрания с дальнейшим посвящением, и пока все сходили с ума, эти люди были счастливы, что добавляет еще большей путаницы в представление о Векторе.

Запись 8

Сложно идти вперед, игнорируя желание зайти в ту или иную дверь, отходя от маршрута. Кто знает, в одной из них может быть выживший или хотя бы какая-нибудь информация о том, что же здесь произошло все-таки. И что же получается: либо идти наугад, среди неизвестности, но идти, либо рисковать каждый раз в надежде на что-то. Единственный аргумент, который спасает от выбора, – это то, что я здесь не для поисков справедливости.

Прошло четыре года после сообщения Сары, и, вероятно, из-за нехватки еды и воды никого и не осталось. Во всяком случае, если сопоставить все то, что я знаю и вижу, так и есть. Ведь если бы были поставки, то просто так никто бы не ушел, сохранив все в тайне. Метров шесть, может, семь, до следующего поворота, комнат по пути не было. Кажется, у меня начинают трястись руки. Я остановился, чтобы немного успокоиться, собраться, – но это не так просто, когда знаешь, что нечто странное и страшное обитает здесь, превращая людей либо в представителей добра, либо в несущих смерть. Странно, но здесь это кажется почти одним и тем же, судя по имеющейся у меня на данный момент информации. Разминая руки, начал чувствовать озноб по всему телу, – этого еще не хватало. Пришлось убрать оружие за пояс, немного размять мышцы отжиманиями – нужно собраться, быть сконцентрированным.

Через пять минут разминки я вроде бы пришел в норму, но такое один раз не происходит, и, учитывая удручающую и абсолютно неизвестную обстановку, нужно всегда быть сконцентрированным. Сделав всего несколько шагов, я услышал то, что мигом разрушило мое крошечное спокойствие. Вой – словно собачий, но более хриплый и... гневный. Невероятно громкий и не менее пугающий вынудил замереть на месте, задержав дыхание. Секунды длились дольше минут, отчего самое страшное оказалось для меня – это оказаться в ловушке. Я не знал, откуда точно он шел, поэтому сразу же побежал назад, к дыре в вентиляционном коробе, которая была позади и которую я заметил слишком поздно. Тишина пришла также неожиданно, как ранее коридоры заполонил вой, и направив оружие вперед – я ждал, понимая, что отныне в обиходе есть слово «выживание». Пытаясь дышать ровно, я услышал шаги, медленные, с легким соприкосновением когтей и металлическим полом.

Мой пистолет было направлено в самый вероятный путь, откуда мог прийти хищник, и, как оказалось, это было ошибкой. Когда звук шагов прекратился, медленно повернув голову налево, в коридор, я увидел ту самую издававшую вой тварь с большим туловищем, без хвоста, лишь местами обросшую шерстью. Вся она была в высохшей крови, затвердевшей местами после ран. Морда большая, виднелись оголенные кости, а глаза были мертвы, большие и черные, они смотрели прямо на меня. Медленно развернувшись, с опущенным пистолетом в руках, словно онемевший, я сам того не осознавая замер. На секунду мне захотелось выкинуть пистолет и забиться в угол, лишь мечтая, чтобы она меня не трогала. Но я все стою, как и она. Секунды длятся как часы, и, как бы я ни старался, страх начинает играть свою роль. В этот момент и тварь с рычанием бежит на меня и прыгает.

Оно падает мертвым телом прямо мне под ноги после пары прицельных выстрелов, которые я произвел, сделав пару шагов назад настолько машинально, насколько кажется словно вела меня чужая рука. Это было ужасно, но труп передо мной придает уверенности в своих силах, особенно учитывая, что стрелял я последний раз больше года назад, в заброшенном здании, по банкам, выпускал свой гнев. Пока мои нервы успокаивались и я думал, что все обошлось, ко мне подкрадывалась еще одна, но осознал я это, к сожалению, слишком поздно. Прыгнув на меня и сумев повалить, она рычит достаточно яростно и громко, чтобы страх без промедления сменился паникой, рождая во мне чистый животный крик. Больно и с грохотом упал на пол, а пистолет выпал из руки и отлетел куда-то в сторону. Эта тварь сумела прикусить мое плечо, но я вовремя скинул ее с себя, используя все тело как рычаг. Мой враг отлетел метра

на два, царапая пол когтями, пытаюсь затормозить, и это дало мне драгоценные секунды, но не для поисков потерянного из вида пистолета. Оставалось только бежать, прямо к открытой позади меня двери. Забежал в комнату, мне не хватило доли секунды дотянуться до панели рядом.

Запись 9

Сидя в луже крови, я смотрел на изрезанное и изуродованное тело этого зверя и потихоньку начал понимать, как легко потерял контроль над собой. Все случилось так быстро: дверь закрыть я не успел, и животное повалилось на меня, яростно пытаясь исполнить свой долг хищника. Под влиянием гремучей смеси страха и гнева я схватил первое попавшееся под руку и стал наносить удары и, не успев даже осознать окончание схватки моей победой, продолжал наносить их... снова и снова.

Да, это необходимость – либо я, либо они, – но все же кем я могу так стать? Но кое-что я понял: чтобы выжить здесь, надо быть ненормальным, готовым к такому, поскольку обычный человек не продержится тут долго. На мгновение я смог ощутить прилив истинной гордости за себя и то, какие преграды могу преодолеть ради цели и самой жизни, в отличие от тех, кто уже стал историей Вектора. Руки почти перестали трястись, что позволило разжать пальцы и выронить импровизированное оружие, острый наконечник которого остался в жертве. Дотянулся до кровати и вытер руки о простыню. Даже и не представлял, насколько оттирание рук от крови приносит такое удовольствие. Оглядевшись, у двери увидел место, где было некогда цельное зеркало: хозяин, видимо, очень хотел избавиться от него, осколки разбросаны везде. Еле поднялся на ноги, оторвал еще кусок простыни и начал оттирать тело, шею, ноги и перевязывать порезы на руках. Подняв кусок чистого зеркала, взглянул на себя: мои волосы, как обычно, криво расчесанные в разные стороны, тоже были запачканы, как и лицо, но кровь свежая, оттерлась легко, хорошая все же была мысль побриться на чисто перед приездом. Этот запах и вид – они ужасны, и вот-вот может стошнить, но из памяти это уже не исчезнет.

Выйдя в коридор, увидел ту же картину – мертвое тело, немного крови – и, стараясь не оглядываться и не всматриваться, пошел дальше. Но, когда сделал несколько шагов, меня все-таки стошнило, и, чтобы не упасть, я оперся руками о стенку – это отвратительно, и еще несколько минут я отходил от этого. После подойдя к перекрестку, я внимательно все осмотрел и тут осознал: чего-то не хватает. Мой пистолет – со всем этим ужасом я забыл про него, и, насколько бы ни было противно, придется вернуться. Ушел я недалеко, и вот передо мной опять это место. Проверив пистолет, я пошел дальше – и тут в плечо кольнула боль. Совсем забыл: эта тварь все же зацепила меня своей пастью. Рана на первый взгляд не кровоточит, но и невооруженным взглядом видно, насколько необходима помощь врача. Единственное радует, свой зуб или клык, не знаю, как правильно, все же оно во мне на память не оставило. Этого только не хватало – получить инфекцию, и, похоже, теперь есть нечто более важное, чем поиски Нолана: сначала надо вылечиться. Нужно медицинское помещение, там должны быть антибиотики. Гарантий, конечно, нет, как и других вариантов, – вопреки инструкциям, у меня на корабле медикаментов нет. Через КПК нашел ближайший медблок и отметил путь на карте, главное – добраться.

Дойдя до следующего поворота, прошел небольшой коридор и в конце его, на Т-образном перекрестке, увидел нацарапанный прямо посреди стены крест, довольно большой. Осмотрелся – ничего примечательного не было: слева коридор был без света, так темно, что пришлось использовать фонарик. Но вся затея была безрезультатна, ибо там пусто. Справа свет есть, и уже через три метра сразу поворот налево.

«Нет, я не хочу так умирать, пожалуйста, не надо!» – этот крик пронзил тишину насквозь, словно пошатнув все вокруг, и я не понимаю, откуда он идет. Мечусь из стороны в сторону, пока паника не начинает окутывать меня, ведь впервые мне так страшно, жутко страшно – потерять единственного на данный момент человека, и тогда, когда ему нужна моя помощь. Словно весь Вектор кричит, чуть ли, не вибрируя всеми поверхностями, но растерянность исчезает,

когда он начинает стучать по двери. Это произошло так неожиданно и непривычно, что я чуть не выронил пистолет. Он оказался заперт в одной из комнат левого коридора – того, что сокрыт во тьме. Используя фонарик, я осторожно двигаюсь на шум – похоже, третья дверь справа, но здесь было что-то еще. Хоть этот бедолага и отнимает полностью мое внимание, я замечаю, что все лампы разбиты и есть следы крови и когтей, причем везде. И вот, не заставив себя долго ждать, что-то ускользает от бегающего луча света моего фонаря. Крики и биения бедолаги не прекращаются, а, наоборот, становятся интенсивнее. Я почти подошел к двери, когда меня не сильно толкнули в спину. Парень все кричит, а я мотаюсь с фонариком по сторонам, выискивая здешнего обитателя. Сделал пару выстрелов наугад, в сторону пола и потолка – и, повинаясь страху, монстр все же убежал. Без промедления я попытался открыть дверь, но безуспешно. Я дергал массивную ручку изо всех сил, пока человек все кричал и звал на помощь, и даже после неудачных попыток открыть ее я попытался ответить ему, поговорить – но все бессмысленно, он словно не слышал меня. Его крики уже начинают выводить меня из себя, и в поисках чего-то, что может помочь открыть дверь, я опять подвергся повторной, но более успешной атаке, теперь уже в лоб: существо кинулось так неожиданно из тьмы, что я ничего не успел сделать. Упав на пол в паре метров от двери, я поднялся и побежал обратно к свету, на перекресток. Достал баллончик, что остался еще после пауков, и, кинув его примерно у двери на пол, выпустил пару пуль. Прогремел небольшой оглушительный взрыв, и существо с жалостливым криком убежало куда-то вдаль.

Во мне накопилась злость, и, моментально вернувшись к двери, я снова попытался ее открыть, попутно стараясь связаться с тем, кто за ней. Дергая ручку, крича, что, если есть возможность, пусть откроет ее или как-то поможет сделать это. Но все было бесполезно, она заперта. Схватившись за голову обеими руками от его криков, которые сводили с ума, я попытался представить, что же такое там происходит и как же много у него сил. Но все, что получалось, – это чувствовать боль его крика. От безысходности выпустил пару пуль в место замка, но это оказалось бесполезно. Я сел у стенки прямо напротив двери и не мог уйти, не мог оставить его вот так. Что может быть ужаснее чувства, когда, возможно, единственный выживший в этом кошмаре гибнет прямо передо мной и ничего нельзя сделать. Еще минут десять он кричал и бился, и это невыносимо, но я остаюсь слушать, ибо вина на мне. Я стараюсь держаться, хоть и медленно идут непривычные для меня слезы, но злость вот-вот и разорвет меня изнутри. И тут я слышу, как неопознанное существо возвращается, – сколько бы злости во мне ни было, в темноте шансов победить нет. «Прости меня», – обратился я к человеку за дверью и вышел из тьмы. Я не мог смотреть туда и просто стоял спиной, когда внезапно крик прекратился. Видимо, он умер, и я ничего не смог поделать, но не меньше стала пугать мысль, что так для него будет лучше, ибо смерть – это тоже выход. На мгновение подумал, что это мог быть Нолан, – но такая мысль сразу отпала, также неизвестно почему.

Запись 10

Сколько прошло – полчаса, час, – все это время я провел в тишине. Надеюсь услышать то, что, возможно, даст надежду или ответ о дальнейшей судьбе несчастного человека, которому я не смог помочь на станции, которая должна по своей сути нести надежду на светлое будущее. Как и следовало предположить, все это было бессмысленно, и, зайдя за угол, я прошел еще до следующего поворота, и в последней комнате справа дверь была открыта. Я должен был бы пройти мимо, как и задумывал, но кое-что меня остановило: рядом с сенсорной панелью был нацарапан крест. Я ни на что не надеялся, просто открыл ее для личного успокоения – и, как обычно, внутри никого не было, – это уже становится ожидаемым исходом поисков. Но, уже собираясь закрыть дверь, заметил на полу посреди комнаты редкого вида цифровой диктофон и, зайдя в комнату, поднял его и включил, но сделал ошибку – не вышел из комнаты.

«Меня зовут Герберт Харт, работаю психотерапевтом. Я только что проснулся, сам не знаю, из-за чего, словно кто-то заставил сделать это, но не это главное. Эта запись для того, чтобы люди узнали, что со мной произошло, если меня не станет. То, что я наблюдаю, невысказано. Мебель – она начинает двигаться. И с каждой секундой все быстрее и быстрее, ее словно швыряет из стороны сторону, что же это?..»

Запись прервалась. Каждое его слово словно заставляло происходить то же самое здесь, прямо передо мной, в самом буквальном смысле. Мебель и все вещи стали срывать с места, ведомые другими законами физики. Они ломаются и мнутся о стены вокруг, но не задевая меня, словно их кто-то толкает. Происходящее предо мной затмило все эмоции, оставив лишь невообразимое удивление и первобытное непонимание. И единственное, что я захотел сделать, – это уйти отсюда, но только дверь оказалась заперта.

«Нет, нет, нет, как такое происходит, почему дверь закрыта, что за шутки, я ведь ее не запер!..»

Я услышал это через секунду после того, как попробовал открыть ее. В растерянности разворачиваясь, я медленно оглядываю комнату – и теперь я вижу всего лишь пустоту: мебель и все вещи, что здесь были, – их нет, лишь голые стены, все просто исчезло, словно этого и не было, как и дверь отсюда. Есть лишь свет, хотя приборов, которые должны его испускать, нет. Чтобы не затухнуть в этой тишине и изоляции, сажусь на пол, скрестив ноги, убираю пистолет и, закрыв глаза, стараюсь вспомнить и проанализировать, ведь это все в моей голове. С каждой минутой пребывания тут я начал понимать, что теряю как разум, так и память, и теперь я не должен дать этой изоляции сломать себя окончательно. Думаю о доме, детстве, маме, брате, о жене – обо всем, что могло принести приятные воспоминания и не дать мне уйти в себя, потеряв связь с реальностью.

Через некоторое время – как я думаю – все начало возвращаться. Но, как только я собрался с силами, произошел резкий удар с другой стороны стены, и все мои страхи вернулись в стандартное состояние. Вскочив, я не знал, куда целиться, а удар произошел снова, но никаких изменений не было, как и непонятно, с какой стороны. Еще удар – комната от такого сотряслась, и на стене слева от меня появилась вмятина. Человек не может такое, это было что-то большое, но беззвучное, с каждым ударом стены проминались все больше, причем со всех сторон, а комнату словно с такой силой, остаться на ногах которая не позволяет. Тело начинает ныть, и вот уже все мышцы безумно болят. Я нагнулся еще ближе к полу, комната мнется, словно алюминиевая банка, стены, часть пола, потолок – все вокруг медленно, но точно про-

гибалось вовнутрь помещения, уменьшая мне свободное пространство. Глядя вниз, на пол, я чувствую, как приближается конец, словно лечу в пустоту и вот-вот увижу тупик. В одно мгновение все разом остановилось.

Стены, пол и потолок стали идеально плоскими, мебель и все, что было внутри, плавно возвращаются в изначальный вид, словно время идет вспять. И даже после всех этих метаморфоз мне было страшно двигаться, я боялся все испортить.

Запись 11

Раз все вернулось, значит, и выход тоже. Так оно и было – дверь, глядя на нее, хочется сбежать с Вектора. Смог бы сделать это или нет, я не узнаю никогда, ведь, выбежав со всех ног и свернув налево, в сторону выхода, я уперся в стену. Вместо коридора и дверей была стена, железная глухая стена. Подойдя вплотную, прощупал ее, убедился, что это не иллюзия, не мираж, а физический материал. Побежал в другой коридор – там тоже тупик. От злости ударил пару раз по стене кулаком, слегка ободрал руку, но это уже не важно, мне не выбраться, неужели все это правда и нет спасения? Двери по бокам были закрыты, и страшно даже подумать, что может за ними быть. Стены коридора были идеально белыми и чистыми, а света было больше, чем когда-либо. Совсем не то было пред глазами, откуда я попал сюда. Раньше стены были темно-серыми, свет исходит из ламп в стыке стен и потолка или с самого потолка. Здесь же, свет просто есть, без источника. Пройдя мимо трех запертых дверей по сторонам, я открыл последнюю, что прямо напротив той, через которую я попал сюда, – и предо мной открылась тьма. В нетерпении достал фонарик и сделал шаг вовнутрь – и включился диктофон.

«Я до сих пор жив и не смог выбраться отсюда или даже умереть. Вместо этого попал в еще более жуткий кошмар. Единственный выход, что я нашел, – в конце длинного коридора, где открывается лишь одна дверь. Я пробовал открыть другие, но это бесполезно. И, открыв ее, все, что я увидел, – это тьма. Прошел несколько метров, и я увидел – там человек».

Бедный парень, как же его жаль, но главное – то, что я тоже увидел вдалеке человека, точнее, его очертания, благодаря блеклому свету. Дальности света фонарика было недостаточно, и придется подойти поближе. Что же это за помещение, не видно ничего – ни стен, ни потолка. На полу были небольшие следы крови, но этим уже не удивишь, кроме того, что след вел к человеку, взяв которого на прицел я замедлил шаг. Диктофон не работал, и надеяться на небольшое предсказание не стоит. Сзади меня у двери на потолке включились две лампы. Они встроены в потолок, круглые, светили ровно вниз. Тот вид, что открывался благодаря им, не радовал. Само помещение оказалось огромным, похожим на ангар, на станциях таких нет, но что это меняет... Весь потолок, стены и огромная часть пола были в крови, и, что странно, появился запах, жуткий запах гнили. Сделав еще несколько шагов, я остановился и окрикнул его, но ответом было лишь небольшое покачивание тела. Включились еще две лампы, но уже прямо за мной, настолько неожиданно, что я чуть не выстрелил в них. Но вид того, что они осветили для меня, немного отличался наличием предметов – и это были не вещи или мебель, а крюки, множество крюков и цепей, довольно толстых и испачканных. Все уходило прямо во тьму, к этому человеку.

«Нет, только не это, как это вообще возможно, зачем я только сюда зашел?! Нужно было убить себя еще там, нет, отстань от меня...»

Диктофон включился за несколько секунд до того, как я собрался посветить на неизвестного жильца, и я пришел в ужас от этого. Он так внезапно закричал, что я и сам подумал, не совершил ли ошибку. Окровавленная и истерзанная, словно зверем, одежда и все тот же запах гноя, явно исходящего от него. Несколько крюков были вбиты в тело и обматывали его, тем самым удерживая в положении стоя. От света фонарика, попадающего на любую часть тела он начал более активно шевелиться, и тут мне его куртка показалась очень знакомой, но это не куртка Нолана, и я поднял фонарик выше.

Это было невозможно, все, что я раньше предполагал, все мои надежды и представления сломались за секунду, оставив лишь его. Абсолютно белые глаза, частично обгорелое лицо с

остатками бледной кожи и грязных, в крови, скрывающих уродство волос. Но все это не имело значения – ведь это был я. Этот... этот урод был мной! Он начал кричать, как какой-то монстр, чуть ли не в истерике кидаться на меня, но цепи сдерживали его. Опустив пистолет, в полном оцепенении я смотрел на него и пытался понять, что здесь вообще происходит. Логика покидает разум, и через слезы и страх проявляется гнев, который, возможно, является спасением. Вновь подняв пистолет и нацелив прямо в его лицо, я все гадаю, пока мысли разрывают мой разум, устраивая там хаос. Ради этого ли я тут, может быть, кто-то или что-то хочет показать мне нечто другое, научить, предупредить или просто наказать, показав некую судьбу? Но я не знаю, и важно не то, что я хочу, а то, что могу, и это – убить его.

Эти нескончаемые крики, его вид – все это вызывает чуть ли не тошноту. Буйство сильно вырастает – и, возможно, цепи и крюки, что режут его внутренности, не смогут выдержать. Его выпады все сильнее, а крики все ужасней. Если я его не убью сейчас, то скоро он вырвется. Мои руки трясутся так сильно, что прицелиться очень сложно. Все доходит до точки кипения – и, глядя на него, я начинаю слышать не только его крик, но и свой, и простое нажатие на курок кажется невозможной задачей. Но я сделал это – и страшный крик медленно утихает вместе с падающим на пол телом. Схватившись за голову и так же упав на колени, начинаю кричать, как никогда, от боли, от страха, от гнетущего состояния одиночества и абсолютной потери ориентиров. Через какое-то бесконечное время я все же остановился и, взглянув на мертвое тело, не почувствовал ничего, словно я так же мертв, как и он.

Запись 12

Ничто не изменилось. Минут десять я ходил вокруг тела, то смотрел на него, то пытался найти выход, пока мои мысли блуждали в потемках и догадках о причинах происходящих событий. Но я задал себе вопрос, что сдвинул мое неопределенное состояние с мертвой точки: «Должен ли был я его убивать? Что если смысл в том, чтобы освободить его?» – и если так, то я, получается, все испортил. Поэтому мне не выбраться, он должен был помочь найти путь отсюда или нечто иное... стоп, это какое-то безумие. Я убил себя, став проектировщиком своей гибели. В очередной раз бессмысленно посмотрел на тело, заметил, что его левое плечо расцарапано, как и у меня, но ведь это значит, что его путь также прошел через все это, – конечно, если все это вообще реально. В чем большой вопрос, ведь я сам в невероятном смятении, голова кругом, весь потею и меня вот-вот настигнет бешеный тремор и лишь чудом, я все еще могу как-то мыслить и действовать. Как бы противно ни было, но пришлось проверить карманы. И первая находка была единственной важной. Включив диктофон, я замер, услышав собственный голос.

«Сколько времени мне потребовалось понять, осознать и почувствовать свою смерть. И все это жалкое, ненужное скитание в одиночестве привело меня сюда, выбор был не в жизни или смерти – его уже сделали. И остается лишь выбрать способ, но, к сожалению, понял я это, как и ты, слишком поздно. Зачем я только прилетел сюда, зачем! То, чего ты так ожидаешь, не произойдет, ведь если ты слушаешь эту запись, то выбор твой уже сделан, смерть того, кто был перед тобой, – смерть тебя самого. А запись эту делаю я, за той самой дверью, где ты сейчас находишься. А хочешь знать, что там будет впереди твоего пути, – или, точнее, чем он закончится, хочешь узнать будущее? Там то, что невозможно убить, от чего не спрячешься и не убежишь, – и это заставит, как бы ты этого ни избегал, занять место убитого. Я слышу их, мне осталось немного, но я-то давно смирился и советую тебе то же самое. Совсем скоро ты займешь мое место, точно так же, как и я когда-то, и примешь себя таким, какой ты есть на самом деле, без масок и обмана».

Прицел пистолета не опускается ниже уровня глаз, рассекая темноту светом фонарика, я ждал появления. Что же там в темноте дальше, какой-то монстр, или охотник, или что – оружие? Нет, все это глупость. Понимание того, что информация всегда ценилась больше всего, пришло только сейчас, и запись уже сказала мне о многом, и ожидать этого следует только отсюда, из этого помещения – а значит, пора уходить. На полпути между лампами я услышал какой-то звук, еле заметный, словно что-то скребет металл. Сначала это было еле уловимо для уха, но вскоре с каждым моим шагом, что становились медленнее из-за него, шум увеличивался. Все громче и громче – и кажется, что везде, медленно, но уверенно он начинает заполнять помещение, и ничего не остается, как идти назад к двери, не спеша, спиной вперед. Несколько шагов – и вот я у двери, осталось немного, просто закрыть ее и попытаться найти выход.левой рукой потянулся к панели, но правой все целился в темноту, и когда я почти нажал на нее, словно небольшой ветерок повеял оттуда. В этот маленький промежуток промедления рядом с выходом, почти у края, по стене что-то ударило. Настолько сильно, что осталась небольшая конусообразная вмятина. Обе руки сразу вцепились в пистолет, и, немного откинувшись в сторону, я выстрелил пару раз. Неужели это оно – то, о чем я говорил? И через пару секунд после выстрелов из пистолета последовал новый удар – и опять рядом со мной, на этот раз уже с другой стороны, и снова та же вмятина. Тем, что я увидел, были цепи – те цепи, на которых я видел себя, на которых висел он... Длинные, с острыми крюками на концах, три штуки, может, четыре. Они парили в воздухе, словно живые змеи, готовившиеся напасть,

убить меня или, что еще хуже, затащить во тьму и повесить, как уже когда-то было. Другая их сторона уходила во тьму и была невидима, если ими и управляли, то желания знать больше не было никакого. По инерции выпустил несколько пуль в надежде попасть. За это время получил пару царапин, но все же сумел закрыть дверь.

Запись 13

«У меня всего один вопрос, всего один: почему я, почему именно меня угораздило оказаться в этом бреду, в этом месте?! Раньше я думал – зачем, но все изменилось. Это изуродованное тело, на которое невозможно было смотреть, живое, в цепях, которое было свирепей монстра, он пытался напасть на меня, я думал, что мне конец, все, смерть. Это длилось невероятно долго, и когда я был уже готов к его каре, он умер. И я узнал его, узнал, кем он был, если это все реально. Его имя Харви Росс. Через его КПК я узнал и цель визита: он искал своего брата Нолана, видимо, так и не нашел, бедный парень. Но что странней всего – это было примерно лет семьдесят назад. Возможно ли такое, что он прибыл сюда в те семнадцать лет, что станция не работала? Нет, о чем я только думаю, прошло столько лет, как он мог выжить столько времени! Странно то, что у него я нашел диктофон, и там была запись, его запись, и путь безумия, что прошел я, повторил и он в свое время. Он пытался спастись, но ничего не получилось. И я, Герберт Харт, сижу спиной у той самой двери, где с другой стороны меня ждут на смертный приговор цепи, все те же цепи. Мне не выбраться, это западня. И вот вопрос: почему я должен заменить мужика, который прибыл сюда еще до моего рождения и потерпел фиаско? Но я нашел другой выход, помимо всего остального, также я нашел пистолет. Здравого смысла здесь нет, да и не было, и зачем ему починяться. Не позволить им превратить себя в живую марионетку – это лучший выход. Я сделаю то, что Харви не смог, – и сейчас это будет нормально. Ведь безумие либо делает тебя частью себя, либо убивает. Я безумцем не стану».

Мне хотелось разбить диктофон. Но как не верить человеку, который еще ни разу не ошибался и который в буквальном смысле описывал по шагам твое будущее? Не выдерживая гнева, швыряю его в дверь, из которой вышел, он разбивается. Есть ли сейчас шанс спастись? В таких условиях, наверное, нет – и что же делать? Выстрел я слышал, и его исход точно не повторю. Неужели такое возможно, действительно возможно – он из будущего? Нет, все это какая-то ересь, это просто невозможно понять. Единственное, в чем он был прав: безумие либо захватывает тебя, либо убивает. И что же со мной – это такая смерть, или, все глубже погружаясь в него, я сам провоцирую это? От такой растерянности все начинает путаться.

Проверяя тыл, как параноик, каждую секунду, я дошел до двери, из которой сюда попал. И тут тупик, единственная надежда мертва. Проверил еще раз – все равно заперто. Ударил пару раз кулаком в дверь. Начались непроизвольные слезы, и я стал сползать на колени, обращенный лицом к двери, развернулся и сел, вытянув ноги. Это тупик, мои варианты ничтожно малы: либо идти туда, либо остаться здесь и медленно умереть. Взглянув на пистолет, сменил обойму и положил на ноги перед собой. Возможно ли понять, где кончается безумие и начинается спасение? И чем больше я смотрю на него, тем более привлекательна идея, как заноза в голове, она все подсказывает и подсказывает, вроде бы тихо, но крайне отчетливо, что стоит делать дальше.

Медленно, очень медленно поднимаю пистолет, словно волоку его к голове вдоль тела. Вот он уже на уровне шеи – и лишь какие-то секунды остались мне отведены. И тут мертвую обволакивающую тишину нарушают они. Из коридора донесся резкий и страшный шум, как гром среди ясного неба. Цепи пытаются вырваться, ищут лазейку, возможность. Я неподвижно наблюдаю, смотрю на медленно искажающиеся стены, цепи все ближе и ближе, ползают вдоль стен, как черви. Знают, где я, и ползут сюда. Но этого не будет – подняв пистолет к лицу, я упер дуло в висок. Рука слегка трясется, и кажется, что прошла целая вечность, а они все ползут, выпирают из стен, как вены на руке. Закрыв глаза, я вспоминаю все, что произошло со мной, – брата, свою жену и этот кошмар, – и нажимаю на курок...

Запись 14

Выстрела не произошло, и даже не шелохнувшись, я нажимаю еще раз, – снова ничего, и тогда я открыл глаза. Посмотрел на пистолет, проверил обойму – патроны есть, перезарядил его, нажал на курок, но остался жив. Эта необъяснимость и в придачу цепи, которые заполнили уже больше половины коридора, приводят в замешательство. Это место столько раз пыталось сделать это и все еще пытается, а когда я сам хочу умереть, оно не дает. Поднявшись с пола, выстрелил в сторону – пистолет работает, так почему же не получается? Приставил к подбородку, руки трясутся, дыхание участилось, звук цепей, пробивающихся ко мне, бьет по нервам. Нажимаю на курок – результат отрицательный. Да что же это такое? В панике снова все проверяю, всего трясет, и ничего, кроме злости, не остается, когда даже такое не поддается пониманию, я еще меньше себя контролирую. Целюсь в грудь – и опять не работает, кидаю пистолет в коридор. Цепи уже рядом, почти дошли до конца коридора, я хватаюсь руками за голову и начинаю истерично кричать.

До всего этого я никогда не был склонен к подобному, а теперь грежу им – ведь это спасение, которое мне недоступно. Я не в состоянии успокоиться, дергаюсь из стороны в сторону, чуть ли не срывая волосы с головы, и любые позывы разумности безвозвратно теряются в этом шуме. Словно зверь, я выхожу из себя, абсолютно не контролируя свои движения. Бью в дверь что есть силы и, окончательно теряя какой-либо контроль, кричу во все горло от безысходности. Руки избиваются в кровь, и, ничего не чувствуя, я все продолжаю буйствовать и калечить себя. В глазах все расплывается, еле держусь на ногах, от боли тело начинает ломить, и с последними силами я ударяю дверь, словно издавая последний вздох. Неожиданно она открылась.

Медленно, чувствуя лишь боль – как физическую, так и эмоциональную, прополз около метра, чтобы полностью оказаться в комнате. Сел на колени, поджав под себя руки, и ожидающе смотрю в пол. Дыхание то замедлялось, то учащалось, и вот-вот сердце остановится. Но прошел час, может, два, а то и больше, и ничего не произошло. Ни криков, ни звуков, ни крови, ни цепей, лишь тишина, да воздух чуть чище. Хоть все до сих пор плывет, но слева, словно в тумане, вижу свет. Медленно вытягивая тело вперед, опираясь на руки, пытаюсь подняться. Под правой рукой что-то нащупываю, поднимаю – это гильза от пистолета. Наступил ногой еще на несколько гильз, зрение улучшилось, и, еще раз все оглядев, я вспомнил.

Запись 15

Недавно я пытался помочь человеку. Несчастливая жертва неизвестных для меня обстоятельств, он кричал и звал на помощь так яростно, что, казалось, он прощался, но только ничего из этого не помогло ему, и я не смог. Начинаю задыхаться, голова кружится, это разрывает само понимание реальности и всего остального, потому что я сейчас нахожусь там, где недавно пытался помочь ему, – в том же коридоре, с моими гильзами, а это невозможно, просто невозможно. С полностью затуманенным восприятием я просто побежал куда-то вперед, не различая дороги и окружения, опираясь на стены и не определяя путь, просто двигался, лишь бы подальше отсюда. Перед глазами мелькали коридоры и повороты. Потеряв ориентацию в пространстве и в помещениях, я не раз падал, приходилось останавливаться, несколько раз меня тошнило, но все равно я продолжал бежать. Но куда я бегу, что хочу найти или кого, где хочу спрятаться – я не знал этого.

Надо бы остановиться и передохнуть, но страх не позволяет. Все сводится к тому, чтобы не дать догнать меня, но не дать чему? И тут паранойя все больше ломает мое восприятие, и кажется, что за мной бежит некое нечто, описание которого не представляется возможным, но которое так и хочет поглотить меня. Через какое-то время я упал на колени и, оглянувшись, понял, что никто за мной не гонится и что я оказался в какой-то неизвестной комнате. Лишь некими вспышками до меня доходили фрагменты окружения, которые я мог уловить взглядом. Везде была разбросана аппаратура, куча лекарств – жуткий погром. Пытаюсь встать, но сразу падаю, еле двигаюсь, поднимаю с пола все, что под руку попадет, пытаюсь прочесть, найти хоть что-то, способное помочь мне. Руки так болят и трясутся, что даже пузырек с таблетками не удержать. Пробираясь на коленях по полу, уже осмотрел кучу всяких лекарств и ничего не нашел. Раскидываю все по сторонам, устраиваю еще больший беспорядок и уже в полном бессилии падаю лицом на пол. Меня трясет, пот стекает с головы на лицо, попадая в глаза, меня то пробирает озноб, то накрывает жаром.

Лежу без движения и понимаю, насколько не в силах все это выдержать, ведь мне все хуже и хуже, и опять начинает тошнить, а все конечности словно положили под каток, жуткое давление, парализующее тело. Но эмоционально такое не выразить, оно сводит все сознание в жуткую безмолвную скрученную в клубок боль, и ничего с этим не поделать, мозг просто сдается. Неподвижным взглядом увидел под шкафчиком на колесах небольшой пистолет для ввода капсул с одной внутри. Я не чувствовал движения руки по полу, но это было, она тянулась к нему. Взяв капсулу, сел на колени – даже не заметил, как сделал это, – и, держа в грязных ладонях пистолет с капсулой, прочел надпись: «пронокс». Смутно припоминаю, это как сильное успокаивающее. Приставив его к правой руке, сделал инъекцию, прямо сквозь куртку. От прилива адреналина машинально поднимаюсь и чувствую себя намного лучше, но сразу же резко теряю силы и падаю. Я в полном недоумении: ведь оно должно было помочь мне. Стараюсь подняться, двигаться, но стоит прикрыть глаза – чувствую себя ватным и становится так легко, а только открываю – боль возвращается. Остается только поддаться ведомому состоянию комфорта, забиться в угол – и будь что будет. Так я и поступил, залез в медицинский шкаф перед собой, из последних сил вытащил все полки с содержимым, подтянул ноги, съежился в калачик и закрыл дверцу.

Запись 16

Сколько я тут проспал? Совсем потеряв чувство времени, я естественным образом позволяю образоваться в голове страшным мыслям и идеям, высверливающим в мой разум предположение отсутствия всего того ужаса, но, как и полагает, казавшееся страшным предположение, лучше бы оказалось явью, ведь память не позволяет забыть, а лишь напоминает о достоверности тех событий. Но выбрался ли я? Легко представить, насколько обманчиво желание спастись, оставляя тебя все в тех же декорациях ужаса, создавая картину безопасности для бегства ради выживания, терявшего сразу же смысл. Нет, я не должен был позволить себе даже предположить подобный сценарий, при котором я все еще там, все еще взаперти, и лишь верю в спасение из невидимого капкана, и я не позволяю, четко прокручивая в голове все действия, с несколько пугающей трезвостью.

В этой темноте не видно ничего, ноги и руки значительно занемели, и стоило ими подвигать, так невыносимо захотелось выпрямиться. Но, как ни смотри, даже когда найдешь выход и логические причины вылезти отсюда, в голову так и лезут сомнения, начиная от того, что меня смогут тут найти спасатели или кто-то из выживших, заканчивая тем, что все равно долго я здесь не просижу, а смерть везде одинакова. Поэтому я просто сделал это, стараясь не думать, а следовать инстинкту самосохранения. Открываю дверцу, в глаза ударил свет, и, оставив узкую щелку, дабы привыкнуть к проникшему свету, через нее я стал осматривать все, что снаружи, – и, похоже, это комната лазарета. Я все забыл, каждая секунда наблюдений заставляет вспоминать, возвращает эмоции к тем или иным местам и событиям приведших меня в эту точку. И вот, когда я собрался вылезти наружу, с левой стороны медленно вышла собакоподобная тварь. Медленно передвигаясь от истощения, следуя инстинктам, она ищет пищу, обнюхивая все подряд, и не трудно понять, что рано или поздно я буду найден. А пистолет лежит в центре помещения, там, где я принял лекарство.

Тварь уже облазила половину помещения, видимо, эта мутация прибила обоняние, раз она так долго и лениво двигается и не может обнаружить меня, четко вынюхивая буквально все. Надо как-то достать пистолет – он там, прямо посреди света от потолочной лампы, в двух метрах от меня и цели. Это рискованно, хотя и есть надежда, что пес уйдет раньше, чем найдет меня. Но если этого не будет, то пристрелить его времени не хватит. Плохо, очень плохо, он уже у правой двери, а она закрыта, значит зверь сразу перейдет ко мне. Сейчас или никогда – пес уже у двери справа. Я выравниваю дыхание, просчитываю каждое движение, но неожиданно он уходит. Просто разворачивается и уходит, и не будь псина в таком полуживом состоянии, то наверняка побежала бы, вместо ковыляния.

Просидел еще минут десять для подстраховки и начал выбираться. Медленно открыл дверцу, поднявшись, немного размялся, мышцы хоть на чуть-чуть, но все же перестали болеть. Подобрал пистолет. Мельком осмотрелся, везде палаты и столы для операций – вокруг никого. Стоя в центре лазарета, прямо под светом самой яркой здесь лампы, стараюсь хоть как-то понять, что же все-таки произошло в том месте, откуда я сбежал и которое я не могу понять здраво, ибо нет ни единой догадки или вразумительной теории. Но разве я должен был выжить? Ведь если следовать системе, что действовала там, – убиваешь и занимаешь место, – получается, я знал заранее и слышал сам себя. От всех размышлений раскалывается голова. Перебинтовав раненное плечо, уже переставшее даже ныть с момента укуса собаки, накинул обратно потрепанную куртку и наконец осознал, отчего такая сосредоточенность и наплыв сил после того ужаса. Это лекарство – чудо, оно словно допинг, который более чем необходим мне здесь и сейчас для выживания в замкнутых просторах.

Передо мной та запертая дверь, спугнувшая своим видом умирающее животное, справа склад и место моей ночевки, слева палаты с койками, сзади коридор. Снова все осмотрел,

следуя привычке. «Какие же несчастные люди. Они считают глупостью все хорошее, что есть, и противятся этому. Помогите им понять добро или избавьте от мучений зла, лишив их ужасной жизни». Подпись «Сара». Это было прямо над койками, и сейчас, ни что иное, как раздражения я не чувствую.

Как же далеко меня занесло, на КПК нет этих помещений. Везде беспорядок, словно пронесся ураган, не говоря уже о том, как много старой крови. И я даже знать не хочу, что тут произошло. Среди палат есть терминал, там наверняка должно иметься то, что мне нужно. С осторожностью двинулся к нему, метров пять, может, меньше. Пистолет крепко держу в правой руке. Первая койка была вся в крови, причем не в лучшем состоянии, жуткий вид. Куча сложенных в контейнер грязных и даже помятых хирургических инструментов, левая стенка была из стекла, она отделяла койки от холла, почти все стекла были в трещинах и следах крови – тяжело же пришлось тут. Подойдя к терминалу, еще раз все оглядел и включил его, получилось не сразу, но он заработал. В нем была куча файлов, ничего на первый взгляд нужного, но, покопавшись, я наткнулся на один с кодом от сейфа, где хранится пронокс, – очень кстати. Он как раз там, откуда я пришел, посмотрел издали – открыто, хорошо. Но ни схем, ни планов я не нашел, лишь маркировку сектора, которая мне ничего не даст. Нужен другой терминал, только вот где его искать в этом муравейнике, где лишний поворот может запутать. Почему нельзя было все синхронизировать или просто не делить планы Вектора? На удивление, это последний волнующий меня вопрос.

Закрывая окна в терминале, наткнулся на прямую ссылку видеокамеры, открыл ее и увидел видеонаблюдение в какой-то комнате. Слегка горели лампы по бокам, еле было видно очертание помещения. То, что я там увидел, поставило меня в ступор, не позволяя моргнуть или дышать. Это был человек, живой человек, а точнее, его еле заметное очертание, только что-то все же было в нем не так. Он качался медленно из стороны в сторону, ровно на одном месте.

Посмотрел путь видео: это та закрытая комната, от которой убежал пес. Неужели так близко, легко мог и пропустить. Подойдя к комнате, я осмотрел дверь, не веря в происходящее. Справа от двери сенсорный дисплей – собравшись с духом, нажал на кнопку, но вместо открытия появилась надпись: «Введите код». Кому-то пришло в голову ставить защитный код на двери, за которой человек, что не может не тревожить. Я постучал в дверь пару раз, но ответа не было. Обратил внимание на пол и след крови, что тянулся от койки с инструментами прямо к этой двери. И следы были не оттого, что кто-то шел, – его тащили. Присев и внимательно присмотревшись, увидел небольшие царапины на полу, они были от ногтей. Кто же там – или, правильней сказать, что? Видимо, это импровизированная тюрьма, где его заперли против его воли, да и человек ли там сейчас... Во всяком случае, ему явно пытались помочь из последних сил, около койки валяется куча капсул с проноксом. И что же за создание теперь там сидит?

Зашел на склад – чуть не стошнило от запаха, но, все же найдя нужную ячейку, взял три оставшиеся штуки. Белые капсулы, с одной стороны пятигранная мерка, с другой ровно написано «пронокс». Подхватил также несколько бинтов и всякую мелочь для будущих ран, все убрал в карманы куртки и штанов. Но я не перестаю думать о парне в комнате. Его заключение давит на меня не только из-за стандартного страха угрозы, но и из-за понимания, что, возможно, он единственный на этой станции. И вот, когда я уже сделал несколько шагов от склада, он начинает стучать по двери, громко и равномерно. От испуга я резко развернулся и уставил пистолет на дверь. Стоя под лампой посреди, я слушал, как он продолжает стучать, медленно и уверенно. Какой он теперь и что с ним произошло, неужели все настолько безнадежно и рано или поздно каждого вот так запирают? Он утих, осторожно подойдя к двери почти вплотную, я встал боком и, приставив ухо, слушал. Сначала было лишь мое дыхание, но вскоре услышал и его. Я просто отошел на пару шагов назад, опустив пистолет, негромко спросил, может ли он говорить, на что не было никакого ответа. И, постояв еще немного, я пошел дальше. Собака испугалась его, что и спасло меня от животного, а реакция этого животного в свою очередь

сказал так же много. Тишина и одиночество станут для него вечной могилой, и невозможно представить, как когда-то он был обычным человеком, таким же, как и я, а теперь его существо настолько ужасно, насколько требует полной изоляции ото всех. Таких трагедий тут наверняка не мало, от чего я даже радуюсь неизвестности, ведь не уверен, что хочу знать их.

Запись 17

Нужно понять, куда идти, в этом лабиринте новому человеку запутаться проще всего, а это несомненно приведет к гибели, как и находится на одном месте... Уже собрался уходить отсюда, но увидел в конце слева дверь с надписью над ней: «психиатр». Не знаю, возможно это или нет, но хоть где-то я должен получить ответы или представление о случившемся со мной и со всеми, особенно если в этом есть связь. Дверь не заперта, внутри большой кабинет, прямо посреди кушетка и стул – все как обычно. Справа архивная, множество индивидуальных планшетов на полках в алфавитном порядке. С минуту я рассматривал все: в отличие от остального Вектора, тут спокойно, вся эта обстановка умиротворяет, что в перспективе может мне только навредить. Увидел компьютер – сев за стол, включил его и открыл последнюю запись главного врача, Оливии Бун.

«Это снова Оливия, за последние две недели число пациентов выросло в несколько раз, все жалуются на постоянное нервное состояние, слуховые галлюцинации, недосыпание, легкие провалы в памяти, утомляемость. У многих сильно поменялось социальное состояние, кто-то стал более буйным, кто-то слишком спокойным, причем это не единичные случаи. Доходит до принудительной изоляции людей, причем даже при вводе пронокса. И это я еще не говорю про те убийства, что начали происходить два месяца назад, а убийцу так и не опознали и до сих пор не нашли. Люди уже не боятся, разумеется, нельзя поддаваться страху и панике, но все словно забывают про это. Если вначале была масса жалоб на фобии, страхи, то теперь это словно поменяло полярность – если вы понимаете, о чем я. Больше сил у меня нет, каждый на этом уровне мною лично опрошен, все данные записаны в карты, и если вы не переведете меня, то я увольняюсь».

Все гораздо хуже, чем я думал: что-то было еще, она говорила про убийцу. Но Вектор – не какой-то городок, где такое легко может произойти: есть специальные службы для контроля насилия, не говоря уже о непростом отборе тех, кого сюда возьмут на работу. Убийства в таком месте – нонсенс. Покопавшись в поиске часок-другой, я узнал, что не только на этом уровне были проблемы, – почти на каждом такое происходило. Тут было все: паранойя, навязчивые идеи, фобии, галлюцинации. А хуже всего было тем, кто пришел с исследовательского сектора: они словно сходили с ума, не хотели никого слушать, лишь погружались в самих себя – и это доктора наук, которых с детства учили ставить разум выше эмоций. Возможно, что-то произошло там, в отделе исследований, на второй половине станции, раз все так резко поменялось. Но что может разом вызвать такой хаос и как это может быть связано с исчезновением стольких людей? Снова вопросы без ответов.

Разузнал заодно про убийства: похоже, около четырех лет назад тут появился серийный убийца, который не просто убивал людей, а делал это с безумной жестокостью еще до того, как все это началось. Надевал орбитальный технический костюм и убивал разными способами, не оставляя улики или примерных мотивов выбора целей. Всего на его счету одиннадцать жертв, и сомневаюсь, что происходящее сейчас вокруг меня – его рук дело. Чем больше я раскапываю, тем более понимаю, насколько давно тут творится немыслимое, и это – пугает еще больше, ведь совершенно непонятно, почему подобное скрывалось так долго от всего мира.

Никакой информации о том, что произошло со мной в той комнате, помеченной крестом, разумеется, нет, было бы странно, если бы я получил сразу все ответы. Видимо, это личное безумие, некий побочный эффект пребывания на Векторе, что оставляет вопрос, когда это может случиться вновь, открытым. Покопался в картах-планшетах, но ничего не нашел, их слишком много, а читать каждую времени нет. Многие просто разбиты и валяются на полу,

и среди них карта брата, кто-то явно постарался это сделать, так просто эти древние КПК не разломать. Прямо удача за удачей!

Сара Айсли – это имя привлекло меня, ибо я его уже видел. Открыв планшет, я включил разговор Оливии и Сары:

– Здравствуй, Сара, как ты себя ощущаешь на новом месте? – приятный женский голос доктора.

– Все хорошо, спасибо. Перелет был успешен, из криосна вышла без проблем, меня уже осмотрели и подтвердили это, – голос ее был спокойный и слегка неуверенный, словно она маленькая девочка, что отчитывается перед заботливой матерью.

– Да, я все это знаю. Но меня больше волнуют твои ощущения, твой настрой.

– Я понимаю, о чем вы. Но мое прошлое... – Она замаялась. – Я хочу сказать, что здесь я именно для того, чтобы измениться и найти свое место, и я считаю, что иду в правильном направлении. Я хорошо сплю, у меня еще не было приступов паники, и с каждым днем я чувствую себя куда уверенней, чем раньше.

– Это очень хорошо, я рада такое слышать. На работе все хорошо?

– Да, я занимаюсь контролем спутников и получением информации с них. Я долго ждала шанса оказаться далеко от дома и просто жить дальше, наверное. Я поэтому и выбрала это место работы: здесь я далеко от всего того, что мешало мне жить нормально, и, благодаря этому, я могу быть тем человеком, которым всегда хотела быть.

– Каким же?

– Коллективным, я полагаю. Вы, наверное, знаете мою историю.

– Ты про отношения с родителями, я правильно поняла?

– Они... Мои родители считали, что я несамостоятельна и не смогу быть счастливой и успешной, раз отдалась полностью науке и знаниям. Которые, по их мнению, приносят вред. Тяжело жить в семье, где тебя ненавидят за взгляды на жизнь с научной точки зрения, а здесь все мечтатели, которые просто хорошие люди, и все. – Казалось, что Сара сдерживает слезы.

– Так и есть, все мы здесь рады работать на благо мира, вдалеке от всех. Я рада, что у тебя все так складывается, и надеюсь, так и продолжится. Помни, ты достигла этих высот благодаря своему труду и успехам в учебе, и это лишь твое достижение. Отдел кадров заметил тебя не просто так, мы всегда ищем тех, кто мыслит нестандартно и готов на все, ради работы.

– Спасибо, я стараюсь.

– Помни, что ты можешь обратиться ко мне или любому человеку и просто поговорить, мы все здесь большая семья.

– Еще раз спасибо, это очень приятно, и я рада быть частью Вектора.

Все, что она хотела, – это любви и чувствовать себя частью коллектива, простые желания простых людей, которые в итоге вылились в нечто странное и ужасное, а ведь цели были максимально простые и человеческие.

Двигаюсь к выходу, в голову пришла интересная идея, и не то чтобы я хотел разобрать все по строчкам и понять произошедшее. Смысл в том, что я хочу посмотреть карту, которая появилась раньше всех, так сказать, первого человека, чьи симптомы как-то связаны с тем, что я знаю сейчас. Маркус Кетчем, первый, у кого появился такой богатый набор симптомов.

– Здравствуй, Маркус. Как ты сегодня?

– Здравствуйте. Я... я сегодня как всегда. Спал часа три, жуткая сонливость. Знаете, иногда сон кажется реальностью, и понимаешь это, лишь проснувшись. Так вот, я вообще не понимаю, что происходит, точнее сказать – где. Вот только вчера часа два искал свою комнату после смены, а потом понял, что вообще в другой части Вектора. Наверное, это ненормально, ведь я хорошо ориентируюсь здесь, – голос сильно усталый, часто делает длинные паузы между некоторыми словами.

– Ты принимаешь таблетки, что я прописала?

– Да, как по часам, если я правильно их воспринимаю. Но знаете, если честно, я вообще не ощущаю изменений. У меня все так же странный аппетит, я иногда ем без остановки, а иногда могу сутки не питаться, не говоря уже о часто появляющихся болях, как мышечных, так и головных. Может, это вирус какой-нибудь, а то кажется, что это все-таки не просто вина местности. – На последней фразе он хотел пошутить, но неудачно.

– На вирусы всех проверяют, тебе известно это. Скажи лучше вот что: у тебя не было ничего подобного во время работы на других станциях, верно?

– Все было отлично.

– Сначала ты работал охранником в исследовательском секторе, но через два месяца ты попросил перевод в жилой сектор – почему?

– Мне там не нравится, не то чтобы я пожаловался, нет – просто из-за всей этой секретности и контроля допуска я словно замкнут в системе и не всегда могу выполнять свою работу. А здесь все просто, двери открыты – свобода, да и только. Я проводил там кучу времени. Все заняты, что-то делают, и ни минуты отдыха или обычных разговоров о доме или новостях. В общем, из-за этого время шло быстро или, наоборот, медленно, понимаете, я только там стал терять счет. Мне кажется, что я мог заразиться там чем-нибудь, поскольку именно там мне стало казаться, что пропадают часы из жизни, будто я теряю память. Может, пропишете мне еще ваших таблеток и я просто уйду?

– Ну, таблетки я пропишу, но также дам тебе на три часа земную комнату, каждый день. Твой дискомфорт, скорей всего, вызван резкой сменой места работы. Думаю, ты просто утомился, и буду рекомендовать тебе срочный отпуск, но это будет примерно через пару недель, так что пока следуй моим указаниям, а там посмотрим.

– И это все – отпуск? Неужели то, что со мной происходит, из-за утомляемости? Мне иногда кажется, что я не узнаю себя в зеркале. Знаете, я ценю вашу заботу, правда, но пока останусь при своем мнении и поищу ответы в другом месте, – последний его монолог был очень напористым и даже злым отчасти.

Имеет ли эта запись отношение к тому, что я увидел здесь, что вирус спровоцировал всеобщее исчезновение или гораздо худшее? Странно, мне показалось, что врач вообще не сильно пыталась помочь ему, скорее, внушала простые объяснения сложных вопросов.

Запись 18

Двигаясь все дальше, постоянно использую схему, дабы не сбиться с пути, ведь ориентацию во времени я уже потерял, и даже при проверке даты и времени на КПК я не ощущаю его. Через несколько минут дошел до перекрестка, посередине стоит терминал, он несколько иной, чем те, что я видел раньше: у этого все три стороны в экране, сам как треугольный столб высотой два метра. Первый экран в трещинах, но работал, правда, стоило к нему прикоснуться, как изображение исказилось и все замигало, второй просто разбит. Но третий работал, правда, сильно испачкан кровью. Сомнительно убедившись, что вокруг никого, я подключился к нему. Сейчас меня больше всего интересовало, где же я. Надеюсь, мой путь не прошел сильно далеко от лифта, который отвезет меня вниз. Нашел схемы и планы, нажал на папку, но вместо открытия вылезла надпись: «Файл в режиме ожидания, возобновить повтор». Честно, мне было все равно, но это не давало мне добраться до информации, так что выбора не было. Дал команду запустить запись, появился таймер в минуту и пошел отсчет. Шестидесят секунд – вроде бы ни о чем, но, когда проверяешь каждый коридор и надеешься, что за такой промежуток времени ничего не должно случиться, время тянется намного дольше. Показалось, что прошел час, и вот запись загрузилась неожиданно для меня со всех сторон – и повсюду я услышал голос.

«Говорит Александр Краузен, вероятней всего, это последнее сообщение. Коридор изоляции прорван, теперь противники здесь, и их намного больше, чем мы предполагали. Группа, отправившаяся на главный мостик, не вернулась. Из тридцати одного человека осталось семеро, мы укрылись в отсеке внешнего ремонта и держимся как можем. Возможно, мы с вами последние выжившие на Векторе. Каждый, кто слышит это сообщение, знайте – вы не одиноки, у нас есть оружие и еда, пока будем бороться, будем выживать. В приложении к файлу отметил наше местоположение. Александр Краузен, конец связи».

Я слушал его, совершенно забыв про все на свете. Его речь, как и человеческий голос, напомнили мне о чем-то привычном и старом, дали сил, что на исчерпывающем пределе, и не направиться к нему будет ошибкой, так что я сразу скачал жирно отмеченный путь прямо от этого терминала. Заодно нашел свое местоположение: удивительно, как же далеко я ушел и остался жив. Освещения было предостаточно, и, убрав фонарик, обеими руками я вцепился в пистолет и стал двигаться быстрее, почти бежал. Освещения вокруг было достаточно, лишь редко где попадались островки темноты. Сколько бы уверенности ни было, не подозревать об опасности с каждой стороны попросту не получалось. Через несколько одинаковых поворотов и десяток комнат остановился и сверился с маршрутом, заодно перевел дыхание: нервы натянуты как струна, а сердце колотится без остановки. Одна минута разведки – и я снова иду мимо пустых комнат, что встречал уже не раз. Пока мне не грозит опасность, нужды в них нет – лишь отвлекающий момент, несущий в себе угрозу из-за неизвестности. Хотя, возможно, я боюсь входить в какую-либо комнату из-за недавних событий, что завели меня так далеко. Будет не просто жаль или обидно – явная жестокая несправедливость, если именно сейчас, когда есть реальная надежда на выживание и помощь, мне случится погибнуть, быть употребленным в трапезу или сойти с ума в потемках Вектора.

Перед большим перекрестком я чуть замедлил шаг и, просматривая каждый метр, заметил музыкальную ноту, нанесенную белым маркером прямо на стене, причем, чуть впереди была еще одна, но немного другая, в музыке я не разбираюсь. Следующая ведет налево в другой коридор, конец которого не виден, но вроде бы там никого, а тот, что справа, заканчивается массивной дверью, словно от сейфа. Но сейчас не до этого, ибо мне надо вперед, совсем

немного, семь метров, за угол налево. Прошел полпути – и из комнаты слева на меня что-то накинулось. От такой скорости ничего не успев сделать, просто упал на пол, и эта нечисть стала быстро бить меня и зверски кричать, как сумасшедшая. Только крик был нечеткий, словно приглушенный. Найдя момент, разворачиваясь на полу, левым локтем ударил ее о стену, приподнявшись, сразу стал ее избивать. Кажется, это человек, только лица его не видно.

Моей агрессии и сил явно недостаточно – и, получив удар ногой, я отлетел в стену, прямо рядом с дверью, откуда вылез этот ненормальный. Он сразу кинулся на меня, увернувшись от первого удара, я получил второй и, схватив его тело, повалил и стал бить головой об пол. Но он словно ничего не чувствовал, а его кожа была как резина. Обхватив меня ногами, он сделал резкий удар по лицу, я повалился на пол от секундного шока. Удары продолжали поступать, еще немного – и он так переломает мне кости. Разозлившись окончательно, с криком обхватил его и швырнул на пару метров, поднял пистолет и выпустил пулю пять. Этого было недостаточно, он снова накинулся на меня, и мы стали драться как ненормальные. Я уже почти без сил и теряю контроль окончательно, мы все деремся, мои движения все больше и больше напоминают его собственные, бесконтрольные и злые. Повалив его на пол, прижал коленом горло, надеясь задушить, остальная часть тела была неуправляемая, что сильно мешало и раздражало. Прошла минута, ничего не выходит. Приставив пистолет вплотную к голове, выпустил все. Следы от пули затянулись в мгновение – это просто невероятно! И я просто продолжаю душить его, только уже обеими руками – и секунд через двадцать, может, больше, его стон, тряска и хаотичные движения конечностями стали угасать, и вскоре они исчезли совсем.

Прошло несколько минут, как признаки жизни покинули это существо, но мои руки все держат его горло. Он мертв – стоило бы расслабиться, успокоиться, но ничего не получается: страх словно заклинил меня, и кажется мне, что мое лицо в этот момент выражало ненависть, близкую к животной, что, несомненно, пугало меня самого. Прошло еще несколько минут, я отпускаю руки, немного приходя в себя, отодвигаюсь от него, прислоняясь к стене напротив комнаты. Это не какой-то неизвестный природе монстр – это человек, точнее был человеком, и, кажется, давно. Вся его кожа стала темно-серой, нет ни одежды, ни лица, пальцев, волос – как вообще он превратился в такое и почему был жив? Очередная загадка ценою в жизнь. Все тело словно затянута серой кожей: идеально гладкая, без каких-либо дефектов, на ощупь словно сраная резина. Вот так и бывает, уже на горизонте маячит спасение или выход, а жизнь подкидывает плохую шутку, преодолев которую, всерьез задумываешься, а стоишь ли ты теперь спасения, если путь его тернист? Ответ приходит сразу же, чему я искренне рад, ведь все еще мыслю трезво, – да, еще как стоит.

Запись 19

Спустя несколько минут я поднялся, поменял обойму, оставив пустую лежать рядом с телом. Прошел дальше, предо мной открылось большое помещение, что-то вроде центра управления. В середине по кругу стоит ряд компьютеров с большими прозрачными экранами – целые, конечно, не все. Обернулся – огромная укрепленная стена с двумя грузовыми входами. Такое легко не заметить, если идти вперед не оглядываясь. Подбежав к пульта, попытался открыть дверь, но он сломан. Мне это не очень нравится, двери блока внешнего ремонта закрыты снаружи, по всей видимости, все очень плохо и вряд ли обошлось без жертв. Думаю, так задумано, дабы никто лишний туда не попал. Начал стучать рукояткой пистолета и кричать. Вот-вот – и все станет проще, и чувства облегчения, взволнованности и доля нетерпеливости переполняют меня. Я даю о себе знать уже пару минут, кричу, что один, что мне нужна помощь и в данный момент здесь безопасно. Но тишина вокруг все так же неизменна. Неужели стена настолько толстая, что они не слышат, или есть другой способ связаться? Что если он специально не отвечает, сколько странностей я встретил, а люди там не располагают доверием. Надо подумать, успокоиться, собраться, наверняка все не так просто. Компьютеры, вся эта система, наверняка часть отвечает за этот блок – довольно умно, сумасшедший не сможет использовать компьютер. Используя нужную команду в системе, я уставил взгляд на двери, но они не открылись, и вместо этого на мониторе появилась надпись: «Разгерметизация помещения, открытие невозможно».

Все кончено, надежды уничтожены, помощь утрачена, осталось лишь то, что было с самого начала. Еще несколько минут, находясь в неподвижном состоянии, осваивал отсутствие надежды, каково это – понимание одиночества в полной мере и то, что, возможно, надо забыть уже про идею выживших и, идя напрямую, делать то, зачем прилетел сюда. Возможно, их заперли там и открыли шлюзы – нет, тогда их можно было бы закрыть. Компьютер написал: «разгерметизация», а значит, произошла авария или столкновение, что вскрыло корабль, или же они сделали это сами. В любом случае те, кто там спасались, – уже история, напоминающая всем о своей трагичности.

Эти двери все в царапинах, следах от выстрелов, крови и вмятинах, они отделяли меня, возможно, от единственного пути к выживанию. Дабы отвлечься, стал осматривать все вокруг, и мое внимание привлек левый коридор. Он уже остальных и короче. За ним огромное помещение, такого еще на Векторе не видел – большое и пустое. Это смотровой зал, и вид его не мог не поражать. За толстым огромным стеклом – космос, открытый космос, миллионы звезд видны через него. Даже не проверив помещение, я, не моргая, подошел вплотную и уставился туда, в бесконечность. Понятия не имею, сколько времени нахожусь на Векторе, но только теперь вижу, что там, за всеми этими глухими стенами, кажущимися бесконечными коридорами, все становится как-то иначе. Конечно, я отдавал себе отчет о фактическом отношении, но видеть после пережитого и прямо осознавать – это нечто совсем иное. Это безжизненный и безграничный космос и дальше Вектора не уйти, некуда бежать, негде прятаться, – я просто заперт. На планете всегда есть куда убежать, где спрятаться, и ты чувствуешь свободу и словно ощущаешь саму жизнь. А что тут – стены да потолок, как подопытный кролик в ловушке, бегаю от страхов и смерти в лабиринте. Но ведь есть мой корабль – это рождает неописуемую нужду прямо сейчас улететь отсюда, забыть все. А подпитывает все это страх возвращения: как только я выйду из этой комнаты, тут же вернусь в страх, боль и ужас. Что я и сделаю, но, пока я сел на один из рядом стоящих диванов, мое внимание прибито только космосом, что манит своей неизвестностью и позволяет забыть сей ужас за моей спиной. Все это непередаваемые ощущения, и я готов забыть обо всем происходящем вокруг, словно погружаясь в него, не желая возвращаться в этот мир. Но за всеми фантазиями, надеждами и иллюзиями стоит нечто

другое, одна простая вещь – разочарование. И даже спустя час, а то и больше, погружения в тот дивный тихий мир, как бы ты ни старался, ум все равно понимает: это не спасет.

Запись 20

Вернувшись к компьютерам и снова взглянув на блок внешнего ремонта, я чуть было не поддался апатии, но смог сдержаться и вбить себе мысль, что надеяться на такое нельзя – и нельзя было с самого начала. Разочарование слишком дорого может обойтись, и раз уж на то пошло, лучше быть готовым противостоять всему, что встретится, – только так можно выжить. Спустя несколько минут я встряхнулся и, сверившись с маршрутом, двинулся дальше. Небольшой коридор, что напротив блока внешнего ремонта. Прошел по нему и уперся в закрытую дверь: панель не работает, а это единственный путь.

Попробую починить: возможно, банальная перестановка проводов поможет мне. Аккуратно снял боковую панель – несколько проводков и схема, знать бы, что делаю. Вырвал один проводок и попробовал замкнуть его с платой, это привело к небольшому положительному эффекту: двери раздвинулись лишь на несколько сантиметров, куда рука еле пролезает. Ну, лучше, чем ничего, попробовал использовать такой же способ снова, но на этот раз эффекта никакого. Попробовал их раздвинуть руками, но толку немного, лишь чуть-чуть сдвинул, как боль сразу ударила в плечо, некогда укушенное псом. Чуть размялся, сменил положение рук и попробовал снова, но вторая попытка была более удачной, и хоть дверь не открылась полностью, появившийся проем легко смог пропустить меня за дверь. По идее, в таких местах система раздвижных дверей должна быть мягче, как раз на случаи поломки электронного механизма, но, возможно, тут повлияло время. Это все немного подняло мне настроение и немного подстегнуло. Вперед по коридору, вдоль левой стены. И так пройдя метров пятьдесят, в половине пути освещая дорогу фонариком, я оказался у нужной мне развилки и, осмотревшись вокруг, свернул налево.

Впереди, метрах в десяти, большое помещение, двери открыты. Держа вход под прицелом, не спеша, но уверенно я двигался по левой стороне. На середине пути остановился, аккуратно заглянул в комнату слева, используя фонарик для освещения. Желания делать это не было совсем, но разломанные двери заставили изменить убеждениям. Слева от двери внутри комнаты валяется небольшая бутылка воды, и чем дальше смотрю, тем больше хочется пить, и я даже не думаю о том, кто или что могли трогать ее и сколько микробов там будет. Опустошив ее почти залпом, понял, как мне этого не хватало. Подойдя к концу коридора, прошел через дверь, и передо мной оказались две соседние комнаты, рядом шел коридор. Сверху над комнатами надпись: «энергоблок». Взглянул на две двери, решил не рисковать, хотя, возможно, это уже фобия. Решив пойти в сторону коридора, приблизился к ним – и на той, что справа, увидел сварочный шов. На линии стыковки сварка, причем те, кто это сделал, совсем не жалели ее. Крепко держа пистолет, подошел почти вплотную, внимательно осмотрел ее и, недолго думая, тихо спросил, есть ли кто там. Правой стороной стоя к ней, слушал. Но ответа не было – и, сам не зная зачем, я решил зайти в соседнюю комнату. Спустя минуту увидел вентиляционное окно под потолком в соседнее помещение, но оно чем-то закрыто с той стороны – настоящая полная изоляция. Правда, там что-то было: между стенками лежал конверт, очень тонкий, без опознавательных знаков или подобного. Внутри несколько листов бумаги, которые я зачем начинаю читать.

«Прошло больше недели с того момента, как меня заперли в собственной комнате, если верить календарю в КПК, который сел примерно восемь часов назад. Поэтому мое письмо на листке бумаги. Мое имя Юрий Гибсон, один из врачей – был одним, еще в те чудные времена, несколько месяцев назад, когда станция не была захвачена непонятными тварями и люди не сходили с ума. Вернее, все это предполагали, правду все равно никто не говорил и не собирався, да и смысла бы не было, все равно ничего не поделает. Все началось примерно полтора

месяца назад. Я и мой лучший друг Адам, живущий по соседству, в чьей комнате вы и нашли это письмо, и еще три человека, Маркус Кетчем, охранник, Дэвид Бреннон, повар, и Питер Грин, которого никто не знал (он из другой части станции), – мы все пятеро оказались изолированы от всей станции. Собственноручно заблокировали двери, и нашим домом стали две комнаты и помещение энергоблока. На третий день изоляции Питер Грин, который избегал контактов и провел все время в одиночестве, рассказал, как он тут оказался. Он и еще трое человек пробрались через станцию в возможную безопасную зону, но они не дошли: на них напали. Только не неизвестные существа, а обезумевший человек, один из людей, что не выдержал, видимо. Псих застал их врасплох, сразу убил двоих, попытки убить его были бесполезны. И, пытаясь спастись, они попали к нам, только вот когда мы закрыли двери, Питер понял, что остался один и судьбу второго не знает. Но, когда мы его впервые увидели, за ним никого не было, хотя сейчас это уже не важно. И кое в чем он был уверен: убийца среди нас. Его слова шокировали, не сильно, но все же. Все друг друга давно знают, и мы не смогли обвинить кого-то в таком. Ведь такое убеждение легко могло быть вызвано фантазией, а то и хуже. Сначала было решено не поднимать этот вопрос, не устраивать охоту на ведьм и быть рациональными.

Продлилось это недолго, через два дня нашли мертвое тело Дэвида – убит, зверски убит в дальнем углу энергоблока, за оборудованием. После этого буквально за несколько часов все поверили в слова Питера. Так все началось – или, правильней сказать, закончилось. Мы перестали верить друг другу, стали одиночками, и с каждым часом было заметно, как страх и паранойя окутывают каждого. Хитростью я попытался понять, кто это, но вся затея была провальной с самого начала. Вокруг словно витали страх и подозрение, чувствовали себя все одинаково, но вели по-разному, конфликты были постоянно, либо дрались, либо следили за каждым шагом друг друга. Сам Питер вконец спятил, забился в угол, постоянно молчал, его почти всегда трясло, он не ел, не пил. Хоть между всеми и была вражда, было ясно: он замкнулся в себе. Через короткое время мы нашли его с перерезанными венами – теперь осталось нас трое, и каждый все больше погружался в страх. Я перестал узнавать Адама, как и Маркуса, и все вело к тому, что-либо мы перегрызем друг друга, либо закончим как Питер. Самое ужасное – что, когда находишься взаперти, бежать некуда, счет времени совсем потерян. И я не выдержал, не смог так больше. Собрал тайком все возможные продовольственные припасы в комнате, принес еще несколько вещей, на одном из КПК была внушительная книжная база, фонарик – в общем, все, что могло так или иначе пригодиться. И попросил Адама, чтобы он запер меня, заварил дверь в моей комнате, поскольку больше я так не могу. Его удивление хоть как-то напомнило мне моего друга. Я знал, что это конец, выбраться будет невозможно, но лучше так, чем ждать, пока меня убьют во сне. Не будет ни страха, ни боли. Гораздо приятнее и легче свыкнуться со смертью, когда сам выбрал ее. Я проведу последние дни так, как сам хочу, лишенный всего плохого, чем является человек. Я попросил, и он сделал это, Маркус ему даже не помог».

Запись 21

Я сложил листки обратно в конверт и положил туда, откуда взял: пусть их найдет тот, кому будет действительно это важно, так я себя убеждаю игнорировать эмоции. Но кое-что я подчеркнул из этого: Юрий написал про некоего убийцу, что появился до всего того, что меня сейчас окружает, и наверняка про него я узнал из кабинета Оливии, и снова появилось имя Маркуса, что не может быть простым совпадением. Возможно, это связано с культом любви Сары Айрис. Мне уже кажется, что чем больше я узнаю про события, происходившие здесь, тем больше меня это отдаляет от поисков брата и заставляет думать не о тех вещах, что нужны сейчас.

Надо идти: прошлое осталось в прошлом, насколько бы печально оно ни было. Впереди находится еще один медицинский центр, точнее «восстановительная медицина». Двери туда были в ужасном состоянии: кто-то очень не хотел, чтобы они закрывались. Вместо палат и коек вдоль стен стоят капсулы, два метра в высоту, наполовину выступающие из стен. Полукруглые стеклянные крышки, многие из которых разбиты, а осколки разбросаны по всему полу. В середине стоит круглая стойка управления капсулами со сквозным проходом. Некоторые закрытые капсулы изнутри все залиты кровью, и, благодаря полному освещению, подробно видна каждая мелочь. Дойдя до середины, я замер: в метре от меня прямо за стойкой сидит какое-то странное существо или что-то иное. Некий еж, белое тело, из которого торчат иголки со всех сторон. Голова, как и конечности, словно сложена под телом, которое от каждого медленного вздоха поднималось и опускалось. Без малейшего движения я держу его на прицеле, пытаюсь придумать, что делать дальше с очередной преградой на этой станции. Становится страшно, и после пронока это, признаю, первый чистый страх. Но страх не неизвестности, а конкретной вещи. Но, что бы это за хищник ни был, знакомиться с ним желания нет – и медленно, очень медленно, шаг за шагом, я направился к выходу.

До двери метров пять – вроде бы немного, но не в такой ситуации. Аккуратно сделав первый шаг, я слишком понадеялся – и второй оказался необдуманно. На полу много стекла, как только нога наступила на кусочки, они потрескались и представитель опасности слегка поднялся, словно просыпаясь. Я почти нажал на курок пистолета, дуло которого направлено на него, но повезло: он сразу опустился в старое положение. Нервы разрывали меня изнутри, такое напряжение, что по лбу уже слегка идет пот, – потребовалось несколько минут неподвижного положения, дабы собраться и успокоиться. Очень аккуратно сделал третий шаг, стараясь не сводить взгляда с монстра. Но все оказалось бесполезно: стоило моей ноге опуститься, как существо опять приподнялось, услышав звуки стекла. С максимальной осторожностью я присел и левой рукой медленно разгребаю острые осколки. Очистив фрагмент пола, поднялся и, подождав минуту убедившись в отсутствии нарушения сна, сделал максимально длинный шаг. Снова присев, стал разгребать следующее место, находясь спиной к нему. Повторив процедуру, передвинулся дальше, осталось еще одно место. Опираясь левой рукой на пол, вновь за тем же занятием, почувствовал, как ноги стали уставать и мне уже тяжело держать свое тело почти параллельно полу. Вернулся в положение сидя, немного передохнул. Собранный с духом и выровняв, насколько это возможно, дыхание, я сделал длинный шаг в очищенную зону и сразу прыгнул к двери. Оказавшись за ней, резко развернулся, ожидая пробуждение, но все было тихо. Несколько минут напряженного ожидания – и, пройдя дальше по коридору, я вышел в другую часть медицинского центра: длинное помещение, по сторонам параллельно стенам расположены койки. Где-то штук десять, считать их не было смысла. Не спеша двигаясь между ними, проверяя каждую сторону, старался делать все как можно тише: все-таки тот еж хоть и на приличном расстоянии, но паранойя берет верх, и приходится оборачиваться и прислушиваться. С левой и правой стороны – двери, обе закрыты. Судя по схеме, надо направо, но

она не открылась. Попробовал снова – ничего не изменилось, заело. Это усложняет мне задачу: придется идти через левую дверь – небольшой крюк, но все же. Эта открылась сразу же, впереди коридор. Достав фонарик, я пошел вперед. В нем почти не было света, кое-где еле-еле на последнем издыхании светят лампы, правда, толку от этого немного.

Я спокойно иду по коридору, освещая себе путь, прислушиваясь ко всему вокруг в надежде, что если мне будет что-то или кто-то угрожать, я об этом узнаю. Кажется, я иду в бесконечность: вокруг лишь темнота, стены и полная тишина, которая медленно, но направленно начинает давить на восприятие. Не хочу и даже не собираюсь проверять двери вокруг меня, открыты они или закрыты, есть там кто или нет, – плевать. И вроде бы начинает казаться, что все безопасно, но вся тишина нарушается звуком шуршания, и я сразу остановился. Пытаюсь прислушаться и определить, с какой он стороны, но, как только звук увеличивается, это становится неважно. Я сразу понял, именно такой звук издают те пауки-мутанты. Резко обернулся, и он сразу переместился, кажется, в другую сторону от меня. Повернулся назад, направляя свет фонарика вместе с пистолетом по следу шума, но снова другое место и он становится громче. Уже не могу стоять на месте, кручусь из стороны в сторону, надо держаться, быть готовым к их появлению – но как, их ведь сотни, а то и тысячи. Они словно повсюду, будто нет ни одного места, где их нет, и от невозможности это терпеть я теряю контроль над собой и начинаю бежать. Я слышу их, слышу, как они гонятся за мной, не могу понять, за стеной или уже в коридоре, но саму ситуацию это не меняет. Страх мешает обернуться и посмотреть назад, лишь освещаю себе путь впереди. Увидев в конце коридора открытую дверь справа, из которой бьет свет, сразу прибавил шага. Еще метров пять – теперь они точно сзади, в коридоре слышу их намного отчетливее и чувствую вибрацию позади, словно они цепляют мои ноги. Подбегая к двери, убрал фонарик и, как только вбежал вовнутрь, за секунду осмотрел помещение и коснулся панели – дверь закрылась. Получилось, но, по-честному, мне просто повезло, и еще несколько минут я не свожу взгляда с двери. Меня немного трясет, а руки, вцепившись в пистолет, направлены на дверь, но спасет ли это меня?

Запись 22

Справа небольшой стол – бросив на него пистолет, облокотился обеими руками, дабы перевести дыхание, хоть немного, но меня все же трясет, что заставляет задать главный вопрос: а стоит ли это того? Каковы шансы, что я так и буду блуждать по этим коридорам, бегая от монстров, сходя с ума от одиночества и теряя какие-либо социальные навыки из-за неимения практики и напоминания цивилизованного общества? В этот раз мне повезло, но они были близко, очень близко, и каждый раз после такого я подсознательно понимаю, что вечно так не смогу. И хоть у меня имеется оружие и достаточно сил, рано или поздно удача закончится, как и открытые двери.

Взял пистолет, проверил обойму, осмотрелся: какой-то информационный центр или что-то подобное. По левой стороне разбитые компьютеры, как и повсюду в этом небольшом помещении. С каждой стороны есть дверь, и все закрыты, но я все еще слышу пауков. Стоять нет смысла – открыв дверь перед собой и сделав шаг, резко обернулся, держа пистолет прямо перед собой. Это они, словно подобрались ближе, их слышно, как будто почти вплотную. Они там, за дверью, из которой я попал сюда, – их там сотни, а ведь это всего пара метров, что же делать? Сделал шаг обратно в центр помещения, создалось впечатление, что они перемещаются, – видимо, так оно и было, ибо теперь они слева. Повинуясь инстинктам, я подбежал к двери и, используя панель, заблокировал ее. Спустя секунду их когти и зубы стали царапать ее, пытаюсь прорваться ко мне. Отойдя на шаг и держа пистолет на двери, я почувствовал несколько капель пота на лбу. Несколько минут – и они ушли, быстро же они пробираются, и наверняка не первый раз. На стене слева, рядом с дверью, куда лежит мой путь, надпись: «Любовь и ненависть – все зависит от восприятия». Быстро прочтя ее, сразу пошел вперед, но, стоило выйти за дверь на пару шагов, в метрах семи от меня, в коридоре, пауки выбили вентиляционную решетку в потолке и сотнями заполонили коридор. Сделав машинально пару выстрелов, я вбежал обратно и запер эту дверь. Несчитанное количество пауков ударили в толстый металл, заставляя меня еще больше пугаться. Невероятно – удача закончилась быстрее, чем я думал, и отныне я осознаю роль жертвы. Пистолет уже не поднимаю: толку от него не так много, как хотелось бы.

Сначала нужно поискать что-то, что поможет избавиться от них или как минимум задержать, чтобы убежать, – но куда, в другую комнату? Только ничего здесь нет, тем более для такой ситуации, а они все там, везде, где только возможно. Осматривая все вокруг, заметил вентиляционное отверстие в потолке, прямо посреди помещения. Дотянулся до задвижки и закрыл ее, но страх не позволял сводить с нее глаз еще несколько минут, поскольку они теперь и там, ломятся через нее. Все это сводит меня с ума, не находя себе места, я начинаю злиться, выкрикивать зовы о помощи, хоть и знаю, насколько все это бесполезно. Как же все это глупо: на половине пути меня поймали в капкан! Выронив пистолет из правой руки, я упал на колени. Безвыходность рождала в голове ужасные мысли, страх не позволял ничего сделать, а отчаяние лишало любой надежды. И, поддавшись искусственному притяжению Вектора, я упал на пол, чувствуя, как каждый сантиметр тела окутывали тонкие и острые лапки пауков...

Запись 23

Открыл глаза, в обездвиженном положении пытаюсь вспомнить, что произошло. Несколько минут я просто лежал, пытаюсь разобраться во всем у себя в голове, подвергая сомнению каждую мысль. Мое тело – постепенно ощущение восстанавливается, и вот через несколько минут с небольшой болью и затекшими мышцами я поднимаюсь с пола. Ни царапин, ни укусов, ни каких-либо повреждений – новых, разумеется, и я ничего не понимаю... Они ведь накнулись на меня, не оставляя ни миллиметра открытого тела. Двери, вентиляция – все закрыто, как такое возможно, неужели все это была некая иллюзия, довольно странная тогда, но все равно, так или иначе, все это пугает больше, чем раньше. Подошел к двери, из которой попал сюда изначально, прислушался – там тишина, проверил все двери – везде одинаково тихо. Их нет, словно и не было, и это пугает меня, ибо мне хочется злиться на эту станцию. Но я понимаю, что все это лишь в моей голове и главный вопрос точно останется без ответа: сколько же я так пролежал?

Сделав шаг к двери, на что-то наступил – это капсула, я поднял ее, но, перед тем как прочесть, что на ней написано, я уже знал, что это. Пустая капсула от пронокса – вот и ответ, причина моего прекрасного состояния. Только есть одно «но» – не помню, чтобы я его принимал. Остальные капсулы убраны в боковой карман штанов, как и пистолет. Сделав укол, я убрал его обратно, но как это произошло? Но все это уходит на второй план, когда я понимаю, что сейчас у меня достаточно сил идти вперед и, с учетом происходящих событий, чем быстрее я закончу, тем больше шансов остаться в живых, либо увижу брата лишь в другой жизни. Подойдя к дверям впереди, немного промешкался, но отсутствие каких-либо звуков позволило легко открыть ее. Я замер, дыхание перехватило, сил пошевелиться нет, словно парализованный, я стою на месте, потому что такого страха еще не испытывал. Вот то, чего я так долго ждал, а теперь жалею, – я больше не один.

Взгляд медленно перешел с его головы на правую руку, в которой крепко сжат кусок железа в метр длиной, больше напоминающий самодельный односторонний меч. Конечно, благодаря пистолету у меня преимущество, но факт того, что он смог выжить в этом хаосе, где никто так и не поймал его и не убил, заставляет бояться еще больше, чем кого-либо на Векторе, ведь он, судя по всему, выживал очень долгое время. Этот урод в орбитальном костюме, эластичном плотном материале, который укреплен на местах жизненно важных органов толстыми пластинами из неизвестного мне металла темного цвета. Десятки царапин разной длины и толщины, небольшие вмятины на шлеме и теле и масса старой крови его жертв покрывают его костюм, и, глядя на это, вместе с опасением принимаешь тот факт, что он легко ужился здесь и, возможно, опаснее никого нет.

Монстры сродни животным – простые инстинкты, а вот человек – это другое дело. Маска закрывает лицо: стеклянный полукруг от уха до уха, с небольшой решеткой на все стекло, соединенное с металлической оболочкой, защищающей остальную часть головы. От шлема тянутся трубки прямо за спину, к месту крепления баллонов, коих сейчас нет. По бокам лицевой части небольшие фонарики, из которых работают лишь два и то на левой стороне от меня. Разумеется, эта маска сделана крепче, чем что-либо, и, кажется, пистолет не прострелит ее, а стекло одностороннее, и для меня оно как зеркало, только с несколькими трещинами.

Мы все так же стоим, он смотрит на меня, я на него – и вскоре понимаю, что, возможно, лишь возможно, есть шанс на его помощь или хоть какую-то человечность в сфере случившегося. Вдруг он сохранил человеческие черты и мышление, близкое к цивилизованному? Хоть внутри меня кипят страх и тревога, я громко обращаюсь к нему:

– Я не собираюсь враждовать, – сделал небольшую паузу, – мне плевать, что было раньше и по каким причинам. Мне нужна помощь. – Он молчал, и я добавил: – Вы меня слышите? –

Реакцией был лишь шаг в мою сторону. – Я прилетел сюда ради своего брата, на все остальное мне плевать, слышите?

Это был отчаянный шаг, обстановка лишь накалялась, а контакт наладить не получится, придется повиноваться инстинктам. Положение пока неизменно, но, глядя на того, кто напоминает охотника среди металлических джунглей, обладая крепким и большим, чем мое, телосложением, и выше на пол головы, из-за чего смотрю на него чуть снизу, я все глубже осознаю, в кого превратило его это место и сколько раз ему приходилось убивать, даже не считая людей.

«Любовь и ненависть – все зависит от восприятия» – снова прочел я про себя, видя, как он еще сильнее сжимал и словно разминал оружие своей рукой, и, слегка покачивая отрицательно головой, я произнес:

– Не делай этого, пожалуйста.

Запись 24

Бежать можно было только назад. В коридоре он почти догнал меня, от соприкосновения его ног с полом чувствуется вибрация. Я бегу, возможно, от единственного человека, кроме меня, на Векторе и ощущаю, как его рука вот-вот схватит меня со спины. В помещении с койками он слегка отстал, задев одну из них, немного вырвав ее из пола. Подбегая к восставительным капсулам, я совсем забыл про спящего тут мутанта. В первое мгновение страх нахлынул на меня – от ожидания того, что справиться с двумя сразу невозможно, но сразу же появилась идея. Посмотрим, как этот урод справится с ежом. Пробегая мимо, выстрелил пару раз рядом с ежом, от такого шума он сразу начала просыпаться, и все, что мне оставалось, – найти укрытие, и капсулы были единственным вариантом. Залезая в одну прямо напротив коридора, откуда вбежал Охотник, еле успел закрыть ее, прежде чем он со всей силой ударил мечом по стеклу, оставив небольшую трещину. Он яростно стал наносить удары по капсуле, один за другим, не останавливаясь. Масса ярости и ненависти – помимо ударов куском железа, он также удачно применяет руки и ноги, и хоть страх поглощает меня, но панике поддаваться рано: каждую секунду, что он тратит на меня, стоило бы использовать для собственной безопасности. И теперь это будет стоить ему жизни: единственный, на кого он может напасть, находится позади.

Еж накинулся на него сзади с непонятным разъяренным воплем и стал тыкать иголками из конечностей в тело и голову. Все происходит очень быстро, вид ежа изнутри отвратительный – словно тело, вывернутое наружу, но, честно, мне плевать, лишь бы они загрызли друг друга. Он сразу выронил меч и попятился в сторону, забыв про меня. Нападавшее животное широко раскрыло свою челюсть – ужасное зрелище, – и за секунду до того, как оно воткнуло длинные зубы в маску, он обеими руками схватил его за горло и пытался сдержать натиск, но удары иглами с конечностей продолжались, заставляя его мотаться по сторонам. Броню было не пробить, но попытки все же были ощутимы, судя по недовольству Охотника. Он швырнул монстра в левую сторону, прямо о стенку, и, прыгнув сверху, стал бить по твари, держа одной рукой горло. Существо это не останавливало, а только злило, позволяя вести себя в разы агрессивнее. Охотник поднял его за горло над собой, уклоняясь от размахивающих конечностей существа, которое было в жутком бешенстве и не прекращало орать ни на секунду, чуть ли не оглушая меня. Но сдавливающая горло рука не позволяла существу вырваться. Он словно хочет задушить его, продолжая держать тело в воздухе, рука медленно сжимается, все сильнее и сильнее, просто наблюдает за этим. Этого не может быть, я не верю, что обычный человек способен вот так просто справиться с монстром.

Надо что-то делать, хищник проиграл Охотнику, и, пока еще есть время, нужно выбираться. Упираясь спиной в заднюю стенку, а коленом в полуразбитое стекло, я всеми силами пытаюсь выдавить его, но ничего не получается. Сраная система открывания капсулы сломана... Достав пистолет, отвернул лицо и выстрелил несколько раз. Снова попробовал выдавить стекло, и на этот раз получилось: большой кусок в нижней части выпал, и я сразу же вылез наружу. Он заметил меня и, оставив жертву в полумертвом состоянии, сразу побежал следом за мной. За короткое время я оказался у двери, где ранее встретил его, и, не останавливаясь, бежал дальше. Пытаясь по ходу свериться с картой, дабы не попасть в какой-нибудь тупик, предположительно, все же нашел нужный путь, но времени не было, и, свернув влево, побежал изо всех сил по коридору, прямо к двери в конце. Но есть проблема: если она закрыта, мне конец. Но делать нечего, и, приготовившись, подбегая к двери, уже в паре метров резко развернулся и стал стрелять в надежде задержать его или запугать. Но после нескольких выстрелов увидел его не в метре от меня или двух, а далеко, в начале коридора. Он просто стоит там и смотрит. Не знаю, как на это реагировать, это вызывает смутение, но из-за прилива адрена-

лина искушать судьбу и лишний раз рисковать не хочется. И, пока есть такой шанс, надо пользоваться. Сняв небольшой заслон с двери, я открыл ее и зашел вовнутрь.

Запись 25

Через минуту прямо за дверью, смиренно защищающей меня, я услышал металлический скрип, словно что-то задвинули или подперли. Немного отдернулся и приготовился стрелять, но быстро вернулся в первоначальное положение, увидев, непоколебимость двери, все также запертой изнутри моими руками, – так что тут ему меня не достать. Прошло минут пятнадцать, а может, и полчаса – за временем я не слежу и даже не хочу пытаться. Силы восстановились, а нервы смогли слегка успокоиться, чтобы двигаться дальше, но из головы все равно не выходили мысли о нем. Как такое вообще допустили, разве всех не должны проверять на психическое состояние и фактор риска развития маниакальных наклонностей? Мне даже страшно представить, как долго он был здесь и выживал и сколько людей пострадали всего из-за одного человека, потерявшего контроль или же он был таким всегда. Интересно, есть ли вообще шанс выйти с ним на контакт – или все, что осталось от человека под костюмом, – это лишь тело и голые инстинкты. Возможно ли такое, что есть еще выжившие, если он их не перебил? Да и будут ли они в лучшем интеллектуальном состоянии, чем он? Отныне надо быть намного осторожнее, ибо он прекрасно знает о моем существовании и вряд ли остановится, пока не свершит убийство. Странно, но только сейчас я осознал, насколько впереди непроглядная темнота, – а ведь я смотрел в нее все то время, что сижу здесь, и лишь сейчас, когда собрался идти дальше, меня накрыло истинным страхом. Стоя на месте у входа с единственным рабочим светом из потолка, я просто освещал фонариком тьму перед собой, так сказать, привыкая к новому месту, что, несомненно, стоит воспринимать с опаской. Пугающая впереди неизвестность, неожиданно кажется куда более страшной, нежели известная угроза там, за дверь позади меня. Света фонарика хватило лишь на несколько метров, но и этого было достаточно, встроенные в потолок лампы не работали, везде столы, компьютеры – что-то вроде офисного помещения. Посмотрел по КПК, куда идти: пятнадцать метров вперед и метров пять вправо – не так и далеко.

Не спеша двигаясь вперед, держа пистолет наготове, я познаю настоящее погружение во тьму, которая окутывает меня и скрывает от моих глаз того, кто ускользает от луча фонарика быстрее, чем я способен разглядеть хотя бы очертания этого создания. Но вскоре правда сама открылась: невероятное количество царапин и крови по всему полу и окружающим предметам. Поддаваясь инстинкту безопасности, все время смотрю по сторонам, прислушиваясь: все та же неизменная тишина. Сделал еще пару шагов, дернул фонариком вправо – никого, слева – чисто. Разве это не должно меня расслабить? Нет, теперь стало еще страшней идти вперед. Появившийся из ниоткуда скрежет когтей по металлу, сопровождающийся медленным нечеловеческим дыханием и меняющий свое местоположение, – он дал понять, что я тут не один и надо считаться с хозяином, когда приходишь в гости. Теперь я знаю, их несколько, слышу это четко и мотаю фонариком и пистолетом во все стороны, пытаюсь успеть поймать под свет хотя бы одного из них.

Три или четыре когтя ударяют по спине, прорвав одежду, немного расцарапав кожу. Почти упав на пол, успел развернуться и, грубо приземлившись на спину, выстрелил пару раз, но тварь уже убежала. Сразу встал, в панике оглядываюсь по сторонам – как же быстро, невероятно, такого противника еще не было. Они боятся света и, кажется, легко передвигаются по любой поверхности, поскольку я до сих пор не увидел ни одного. Спина болит, но крови, кажется, немного, вряд ли мне еще раз так повезет, что в итоге и произошло. Еще один удар, но уже по правому плечу – и теперь рана глубже. Приличное количество крови пролилось на пол, и я, не раздумывая, побежал назад к двери. Но все попытки открыть ее были бесполезны: меня заперли. Стал кричать изо всех сил, но сразу остановился: помогать просто некому. А он ведь знал это, знал, куда я попал, и специально позволил уйти, потому что я не осознал главной

причины своей неудачи – это его территория. Достал бинт из кармана, что припрятал еще в медицинском блоке, и кое-как перебинтовал плечо. Накинул снова куртку, прилично рваную, но все же лучше, чем ничего. Что же теперь делать: я в ловушке, стою вплотную, опершись на дверь, под единственной рабочей лампой и просто наблюдаю тьму, словно она и есть монстр. Без света мне не выжить, а они готовы долго ждать: сколько у них не было такого мяса, как я, – месяцы, может годы? Без альтернатив, под напором адреналина и страха учишься выживать так, как никогда раньше, и приспособленность к месту ради собственной жизни просто поражает.

Увидеть врага в темноте почти невозможно, а вот услышать – гораздо проще, и, прислушиваясь, я улавливаю звуки и стараюсь максимально точно определить их количество. И вскоре, словно хищника, эта охота затягивает меня, позволяя заглушить небольшие нотки страха, сделать несколько шагов от двери, будто осваиваясь в этой среде. Дабы более плотно понять, сколько их стоит ожидать, сажусь на пол, скрестив ноги, в паре шагов от двери и, закрыв глаза, вслушиваюсь – в такой тишине это не сложно. Они выжидают, ведь боятся света, и даже голод не заставляет их идти на риск. Моя недоступность заставляет их мельтешить в разные стороны, что не проходит беззвучно. Если вычесть возможность звуковой запутанности, то их не меньше пяти. Мимолетный покой исчезает, как только я открываю глаза и понимаю, насколько жестоки и омерзительны эти создания, чье происхождение мне неизвестно, и исходящая от них ненависть словно передается мне.

Устремляя взгляд во тьму, понимаю, – выжить там без света невозможно, а фонарик мало чем поможет. Значит, остается лишь одна возможность. Свет, который у двери, – это единственный шанс. Слева от меня в паре метров стоит металлическая тумба, кое-как, но свет ее покрывает, так что вряд ли существует опасность. С жутко раздражающим и громким скрипом я подтащил ее под лампы, поднявшись на нее, ощутил приятную теплоту. Прислонил ладонь к пластиковой защите, словно впитывая тепло, поглядывая во тьму, машинально ожидал каких-то действий, но все тихо. Не знаю, как и почему, но все лампы на потолке установлены в разных местах и от каждой идут отдельные провода дальше в помещение. Медленно и очень аккуратно снял защитный корпус, оголив две трубчатые лампы.

Аккуратно обхватил одну, провода крепились специальными клипсами, сама лампа плотно сидела на защелках. Какая же она горячая, свет немного слепит, приходится делать все на ощупь. Наконец, точно поняв конструкцию креплений, я медленно начинаю вытаскивать ее. Сначала правую сторону и в поспешной уверенности в том, что она уже вышла, дергаю лампу вниз, после чего следуют треск и гаснущий свет. Я сделал все слишком рано, контакты у одного угла почему-то замкнуло, и лампа сразу перегорела, хотя подобные диоды не должны так ломаться, но видимо время все же берет свое. Приглядевшись, сразу увидел проблему, – почему-то случилось оголение изоляции провода, отчего случился коротыш. Осталось надеется, что нигде более подобного не произошло. Света стало вполовину меньше, и здешние хищники отпраздновали это резким бушующим криком, длящимся несколько секунд. Спустя несколько минут, успокоившись, я принялся за вторую – сейчас я как никогда понимаю, что от света зависит моя жизнь. Нельзя думать – надо просто делать, словно на автомате, и каждое движение не должно сопровождаться страхом. И спустя несколько минут я сделал это. Вытащил ее и, стараясь забыть обо всем, очистить разум, так сказать, слез с тумбы, проверив плотность крепления проводов, положил лампу на тумбу. Переведя дыхание, посмотрел, как идут провода. Они закрыты тонкой пластиковой рейкой в потолке, и снимается она очень легко, что позволило обхватить лампу со стороны проводов и вытянуть ее вперед левой рукой. Из-за изменения количества и местоположения света немного непривычно: теперь он в моих руках, а вокруг лишь тьма. Выдернув еще провода, взял дополнительный запас в правую руку, прирепил свой фонарик на пояс со спины и сделал первые шаги.

Запись 26

Медленно делая шаг за шагом, рассекая тьму светом лампы, попутно освобождая провода, стараюсь держать дыхание ровным: ведь если даже не учитывать, обитающих вокруг ужасных тварей, ищущих момента напасть, то сама ситуация предельно жестокая. Они следуют за мной, медленно, по всей поверхности, сменяя местоположение каждую секунду, что не может не заставить медленно двигаться по кругу. Вот уже почти полпути – а чувство такое, словно это длится вечность. Остановившись, прислонил лампу поближе к телу. Они могут напасть откуда угодно, и лишь этот маленький свет спасает меня. Надо меньше думать об этом, ведь чем больше я обращаю на это внимание, тем меньше верится в шанс выживания. Несколько минут – и, сделав еще несколько шагов, я быстро оборачиваюсь на резкое и громкое рычание позади, но там ничего нет. Как же меня раздражает, что я ничего не вижу! Опять резкое рычание за спиной – снова обернулся: они либо привлекают внимание, либо пытаются вывести меня из себя, запутать. Напряжение ужасное, отчего потеют руки, и пластиковая лампа начинает скользить в ладошке, причем держать ее становится не очень легко, все же плечо ранено, и мышцы несколько сводит. На КПК не посмотреть – остается лишь надеяться, что я не заблужусь. Но вот правая стена заканчивается углом, кажется, видно ужасно, но вроде бы это так, а значит, это середина – и надо повернуть направо, где в конце есть выход.

Не спеша, но уверенно делая шаг за шагом, ощущая, как они крадутся сзади, пытаются напасть, но, слыша каждый их звук, вовремя оборачиваюсь, обжигая их светом и все больше наслаждаясь болезненными криками. Удерживая злость внутри себя, стараюсь не делать лишних движений, сосредотачиваясь только на защите, и, честно, не хочу, чтобы они отступали, – пусть нападают. Их боль – моя сила. Надеюсь, эта философия продержится дольше, чем обычно. Первый смельчак прыгнул с потолка на меня, я еле скинул его с шеи, ослепив светом, выстрелил прямо в голову несколько раз и резко обернулся кругом, выставив лампу вперед. Жалкие существа! Пусть и не большие, но крайне мерзкие и опасные. Один почти сумел сгрызть меня, пока другой отвлекал справа, этот прыгнул слева, но я успел увернуться, обхватить его правой рукой, прислонить свет вплотную к его уродливой морде и, слушая безумный вопль, наблюдать, как плавится его кожа до костей, словно масло на огне. Останки костлявого тела упали на пол, и я пошел дальше. Теперь они стали осторожнее, но лично мне все равно – уже видна дверь в паре метров, и, честно, со всем этим я и забыл про нее. Невероятно: сейчас я понял, зачем все это было на самом деле. Везде все в крови, и, поднеся руку к панели, почти коснувшись ее, я остановился. Не знаю, что творится у меня в голове и каков шанс, на везение, но выдернув провода из лампы, погрузившись во тьму. Немного подождав, давая им подойти, я ощутил в полуметре от себя дыхание и вонь этих созданий и нажал на кнопку. Стоя на месте с закрытыми глазами, ощутил, как теплый свет окутывает меня, пробиваясь даже через веки. Не двигаясь ни на сантиметр, единственно, что услышал, – это болезненные крики, которые, словно наркотик, позволяют ощутить жизнь.

Запись 27

Крики жертв отдаются эхом, словно отголоски, напоминают о тьме свету, мягко обволакивающему меня. Глаза все еще закрыты, и кажется, лишь страх не позволяет их открыть. После тьмы, в которой словно тонешь и отдаешься неизвестному, лучи тепла ощущаются странным эффектом, необъяснимым, и вскоре понимаешь, ведь именно этого тебе не хватало больше всего – того, что просто символизирует надежду, любовь и жизнь. Ноги еле держат, я готов упасть на пол от бессилия – но ведь минуту назад я был полон энергии, изменилось лишь место, и кажется, слишком резко и абсолютно несвойственно. Расслабил веки, перед глазами открылся вид коридора – странное облегчение, словно могло быть хуже. По бокам стоят четыре больших прожектора, направленных на меня, я же стою непосредственно между ними. Разве я не должен быть рад тому, что смог выбраться оттуда, не дав утопить себя во мраке, навсегда избавившись от всех страхов и боли, не должен чувствовать облегчение и радость, что все не кончено, и поиски брата продолжатся, как и сама жизнь? Ведь какая-то часть меня, сильная часть, не хочет тут быть, я словно не на своем месте, и кажется, что тьма, как зараза, захватила меня, позволив освоиться в своем мире, стать частью его. Все обратное представляется невыносимым – и даже тех ужасных и одновременно жалких криков тварей будто не хватает, как голосов людей. Обернувшись, глядя на дверь, я вижу, как некоторые из них пытаются пробраться сюда, на мгновение проявляются на свет и с криком возвращаются назад, и все из-за меня. Как же плохо, надо успокоиться, все взвесить, но не здесь, вне этого гнетущего места. Медленно дойдя до поворота, присев за углом и закрыв глаза, стараюсь как-то расслабиться, скорее, даже определиться с приоритетами и той творящейся в голове неопределенностью. Нащупываю в кармане на удивление уцелевшие капсулы пронокса. Выложив одну на пол с правой стороны, еще больше загружаю свой разум мыслями вперемешку со страхами и злобой, приводящие лишь к одной мысли: с таким хаосом в голове не выжить, и это является причиной для ввода инъекции. На мгновение почти потеряв сознание, я почувствовал, как все приходит в норму. И тут, наперекор всему, что должно сейчас волновать меня, приходит то, о чем я должен был думать с самого начала: почему тот, кто загнал меня туда, не пришел сюда с обратной стороны? Сомневаюсь, что он не знает или не может, – вероятно, ожидал, что там мне конец. А возможно, его уже нет в живых, ведь ощутить количество времени, там проведенное, невозможно. Вспомнив про КПК, скорее проверил местоположение – и впервые я действительно приятно удивлен. Налево по коридору, в конце за дверью, столовая, за ней лифты, ведущие на нижние уровни, где, надеюсь, найду Нолана, – и смогу убраться, наконец, с этой станции, где я провел уже слишком много времени.

Запись 28

Войдя вовнутрь столовой, я моментально почувствовал резкий и противный запах: кажется, испорченные продукты, во всяком случае, я надеюсь, что это именно они. И, как ни странно, наверное, я действительно голоден, причем так, что готов забыть про дизентерию. Помещение огромное, много столов со скамьями, вдоль стен буфеты и шкафы, окружение состоит из уже привычных дополнений в виде старой крови, погромов и следов борьбы. Сделал всего несколько шагов, уже в предвкушении того, что могу найти съедобное, – и тут громко, очень громко что-то металлическое словно захлопнулось с ужасным нечеловеческим криком, или, точнее выразиться, ревом. Это справа, в соседнем помещении. Дойдя до края, аккуратно выглядываю из-за угла – и вижу огромное животное, похожее на небольшого медведя, только страшнее, почти без шерсти, с ненормально выпирающими наружу длинными зубами. Но это было не все: приглядевшись, увидел, что этот кусок мяса с непонятной пропорциональностью деформированного тела – не одно существо. Точнее сказать, череп один, а вот остальное тело словно слеплено из нескольких других, и сделано это не хирургически. Если присмотреться, то видно, почти все его тело под этой небольшой шерстью – куски мяса других существ или, скорее, людей, и от этого меня тошнит прямо на месте. Что же за ужас здесь произошел и насколько все еще может быть хуже?

В муках боли от зажатой в большой капкан правой передней лапы зверь под тяжестью своего веса с трудом мотается из стороны в сторону, пытаюсь вырваться. Он не замечает меня, а я смело стою и смотрю на его мучения. В панике пытается что-либо сделать, но даже его негармонично уродливое огромное тело, которое страшнее всего, увиденного мной здесь, не способно вырваться из капкана всего в паре метров от меня. Взглянув в его глаза на мгновение, я увидел в них боль, человеческую боль, и больше всего я боюсь того, что он понимает собственное «я». К сожалению для него, мне кажется, он помнит, кем был, и ужасается тому, чем стал.

Я подошел поближе, монстр заметил меня и замахнулся лапой, но не достал, не хватило полуметра. Невероятно, мне совершенно не страшно, мог ли я представить, что смогу вот так стоять и не бояться! Поймать себя не мысли, как уверенно я чувствую себя сейчас, в этом безумном месте, перед этим страшным существом, удивило меня больше, чем нынешние события. Мимолетно, но заметно и слишком ощутимо, словно все тело крикнуло мне об успешной адаптации...

Так продолжаться не может: немного отойдя, обеими руками сжимая пистолет, нацелил его прямо в его голову. Из мыслей не выходит понимание, что он был человеком, таким же, как я, у него наверняка была семья, друзья, работа, мечты. Так что смерть – это самое гуманное, чем я могу помочь ему, всем им. Медленно нажимая на курок, я остановился в последний момент из-за того, что кто-то открывает дверь прямо впереди, и еле успел скрыться из виду, забравшись в морозильную камеру слева.

Запись 29

В ту же секунду, когда я спрятался, открылась дверь. Спокойным шагом тот самый Охотник направляется к бедному животному, в правой руке держит все тот же заточенный кусок металла. Животное приходит в ужас, начинает с еще большей свирепостью пытаться выбраться, но прикрученный к полу капкан не позволяет сделать это. Остановившись в метре, не предпринимая каких-либо действий, он просто смотрит, наслаждается мучениями жертвы, которая боится его. Невероятно, хоть он и здоровый, но разорвать его на части этому животному не составит проблем, наверняка здесь нечто большее, чем физическая сила. Как только добыча слегка успокоилась, Охотник резко, без колебаний, приблизился и потянулся к толстой шее со стороны спины. Это привело зверя в бешенство, его охватила паника, мечась из стороны в сторону, пытаясь оттолкнуть его, он орал как бешеный, понимая, что сейчас произойдет, и быстрый удар оружием пришелся прямо на горло. Это ужасно, невзирая на пронокс, страх охватил все мое тело, вопль ужасен, кровь льется рекой, а Охотник вполне спокоен, держит тварь и продолжает резать поперек горла. Не думал, что мне будет жалко одну из тварей Вектора. То, как он это делает, дает понять, почему все его боятся: потому что он не боится. Он резко выдернул кусок металла из шеи в сторону, разрезав еще больше артерий, животное упало в огромную лужу собственной крови. Настала тишина, и он просто стоит над телом, смотрит на него с опущенной головой, пока с его рук капает кровь.

Прошло уже несколько минут, сил стоять неподвижно в холоде все меньше, а любое движение может быть услышано. Но, кажется, мне повезло: он наконец зашевелился. Разминает круговыми движениями плечи и шею, осматривается по сторонам и, присев, вытаскивает лапу из капкана. Потом зацепил мертвую тварь каким-то крюком, что был прикреплен к ноге, потащил ее через дверь, из которой пришел. Все это время я словно не дышал и, простояв без движения еще с несколько минут, а может, и больше, все же вышел с невероятным облегчением. Что за той дверью, мне все равно – мой путь совсем в другую сторону. И, прежде чем продолжить, я хочу поесть. К счастью, мне повезло – недавняя казнь не отбила аппетита. Покопавшись на полках, нашел несколько консервированных обедов – они не портятся, и, разогрев их в ближайшей печке, я засел в морозильной камере, где недавно был. Наслаждаясь первой полноценной едой в этом месте, я не мог не думать о случившемся. Он убил зверя не только ради забавы, что не может не пугать: выглядело все как охота ради еды, как можно судить по недавнему представлению, или точнее сказать, ритуалу жертвоприношения. Зачем же еще?

Запись 30

Двигаясь через столовую в сторону коридора слева, наблюдаю множество рекламных экранов, повествующих о современных разработках и достижениях человечества, а главное, гордости технического прогресса. И очень символично было то, что на одном я прочел про станцию Вектор: это одна из самых безопасных и современных. Это забавно, учитывая творящееся сейчас. За дверью находятся лифты на нижние уровни, не знаю, какой вид я ожидал увидеть за ней: к этому времени я думал меня уже ничто не удивит. Передо мной открылся вид большого зала, впереди еще одно помещение, слева зал уходил в несколько коридоров, чьи двери были раскорезаны, справа – лифт, являющийся частью коридора. Все это – поле боя, от огромного количества засохшей крови и непонятных сгнивших останков я прикрыл рукой нос, запах отвратительный. Следы от патронов, множество гильз разного калибра, царапины, вмятины, оставленные на всех поверхностях, – здесь была бойня, такая кровавая и ужасная, аж ботинки прилипают к полу.

Я встал посреди и, оглядываясь вокруг, пытаюсь представить произошедшую здесь картину: сколько людей было растерзано в страхе, сколькими пришлось пожертвовать ради спасения меньшинства, которое не дожило до этого дня. Подойдя к лифту, я попытался открыть его или вызвать, но сенсор без промедления потребовал ключ-карта. Но злость из-за очередной преграды достигла максимума лишь от прочтения очередного наставления безумного культа любви Сары, также нанесенный белым на стену между лифтами: «Вы обладаете лишь злостью и страхом, не замечая ценность и уникальность вашей жизни. Это болезнь, не противьтесь лечению – и оберете счастье и покой».

Пытались ли они скрыть что-либо в том месте, куда приведет меня лифт, или же то порыв страха, дабы уберечь себя всеми способами? Все это слишком сильно отвлекает. В радиусе пары метров вокруг его нет, все равно что иголка в стоге сена. Стараясь не злиться, перебираю варианты возможных способов решения проблемы, наворачивая круги на месте. Помещение, что напротив входа, выглядит как бункер, самый простой вариант может оказаться самым верным, хотя, зная тенденцию, шансы, что все будет так просто для меня, предельно малы. Две металлические входные двери покрыты вмятинами, похоже, их пытались вскрыть снаружи, но ничего не вышло. Ударив по ним ногой, создав достаточно шума для проверки наличия нежелательной жизни, я нацелил пистолет и готовился стрелять, но спустя пару минут тишины со скрипом отодвинул одну дверь и с уверенностью вошел вовнутрь. То место, про которое говорил Краузен, безопасное место – видимо, это именно тот коридор, с которого все началось в этой части Вектора. Находившиеся тут люди пытались выжить, делали все, дабы сберечь себя и родных, сражались с этой нечистью, и наверняка даже голыми руками. На всех стенах множество разных надписей, имен и посланий для тех, кто не застанет их живыми, но не менее трагично выглядит множество прикрепленных фотографий родных и близких, обычных пейзажей, напоминающих о старой жизни. Единственные лампы находятся как раз над левой стеной, где больше всего оставленного людьми, отдавая холодным оттенком, освещая все очень четко. Все это лишь сгущало и без того ужасную картину и атмосферу борьбы и смерти ни в чем не виновных людей. Я ничего не трогаю, ни вещей, ни фотографий, ни оставленных десятками писем – все, что осталось от людей, должно покоиться здесь. Стараюсь относиться равнодушно, но это не так легко в таком месте: кажется, словно они еще тут. Все это грустно.

Слева дверь, ведущая в небольшую комнату, напоминающую кабинет. Есть освещение от небольшой настольной лампы, но очень слабое. Лишь стол, покрытый пылью, и спальное место. Сев за него, стал обыскивать ящики: в двух ничего не было, третий закрыт встроенным замком, ключа, разумеется, нигде нет. Недолго думая, я прострелил замок, достал оттуда планшет, весь в пыли, на задней стороне нашел ключ-карту – неужели все так просто? Мне повезло, но больше

повезло с планшетом: включив его, наткнулся на видеозапись. Увидел человека, сидящего там, где сейчас сижу я, со щетиной, коротко постриженного, лет сорока, не больше. Пару минут он просто молчал, смотря куда-то в сторону, обдумывая слова.

«Мое имя Александр Краузен. Я начальник охраны в жилом секторе, и мне есть что рассказать. Четыре месяца назад на исследовательскую станцию Вектор было совершено нападение, но не извне и не разумных созданий. Непонятных существ... тварей, монстров, называйте как хотите, но все, что они делают, – это убивают нас, как саранча, уничтожают все вокруг, иногда даже себе подобных. Мы не знаем, ни что им нужно, ни как они появились, известно то, что их приход был из исследовательской части Вектора. Там, где занимаются исследованиями космоса и внеземных объектов. Как волна смерти, за первые несколько дней они убили две трети населения той части станции. Мы успели укрепить и так изолированный вход в жилой сектор, когда поняли, что надвигается угроза, закрыли все проходы сюда, разделив станцию пополам в буквальном смысле, тем самым позволив выжить оставшемуся людям. Все шесть уровней жилой части Вектора блокированы, а попасть на ту сторону невозможно, как и обратно.

Все, что мы делаем, – стараемся выжить, не потеряв рассудок, что получается далеко не у каждого. Все попытки связаться с орбитальными станциями или хоть кем-то за пределами Вектора бесполезны. Отправили группу на мостик, дабы узнать, что творится и есть ли возможность спастись, – никто не вернулся. По какой-то причине все спасательные капсулы не работают, а шлюзовые отсеки заблокированы неизвестно кем, в буквальном смысле слова мы изолированы, заперты со всех сторон, как в гробу. Сколько мы продержимся – неизвестно, пока железо держит, не пускает нечисть сюда, но они все время пытаются. Среди людей медленно разрастается паника, отчаяние, страх все больше делает их неузнаваемыми, и даже лекарства не в силах помочь, приходится особо буйных изолировать.

Мы не единственные спасшиеся, на других уровнях есть еще уцелевшие, но у них ситуации не лучше, и, если честно, неизвестно, сколько еще людей находятся на этой станции, о которых мы не знаем, сколько стараются выжить поодиночке или малыми группами. Точно известно о выживших первом и втором уровне, четвертый подавал признаки жизни, но внизу все еще хуже, по их словам, пятый и шестой молчат. Станция большая, и все обследовать сложно, а связь часто дает сбой. Сражаться с тварями нет смысла, их все больше и больше, появляются новые виды, мало-помалу, но единицам удается пробраться к нам, и лишь вопрос времени, когда они смогут прорваться сюда. Если наш третий уровень единственный, где осталось организованное скопление людей, а мои заместители не справились, то мы в все в кольце, рано или поздно они полезут сверху и снизу, спереди все заблокировано, а позади безжизненный космос».

Вот что интересно: если они не могли послать сигнал, то как тогда Нолан отправил мне сообщение, возможно ли такое, что это произошло до всего описанного Краузеном? Я включил вторую запись.

«Прошло почти два месяца с последнего сообщения, и сказать нечего. Каждый день кажется кошмаром, все наши попытки выйти на связь провалились, а спасти больше некого. Время от времени к нам приходили люди из разных уголков этого места, но за последнюю неделю не было никого. Люди все больше сходят с ума, странно, что еще не началась очередная паника, ведь эти создания все пытаются пробраться к нам, и в определенный момент им даже почти удалось, но мы успели изолировать помещение. Сколько ждать теперь – месяц, два, полгода или гораздо больше? Это ожидание даже хуже их, когда знаешь, что к тебе со всех сторон скребутся нечеловеческие твари, не оставляя шанса на выживание, мысль о скором их приходе посещает все чаще.

Все понимают – многие не показывают этого и не признаются, но понимают – нам не выжить. Разве что кроме остатков фанатиков секты любви Сары Айсли, которые все пытаются нам доказать, что никакого ужаса нет и надо лишь любить и простить всех, приняв свои судьбы как дар. В таких ситуациях эти слова работали бы, но, видимо, люди умней, и ситуация не выходит еще больше из-под контроля. Разумеется, мы не сдаемся и дух еще не пал, но с фактами не поспоришь: сколько мы тут – уже пять месяцев, как изолировались от той исследовательской части, и что же, никто так и не прилетел. Странно, словно нас вообще нет или мы подопытные животные. Но, знаете, лучше умереть людьми, чем стать животными».

Это все, больше ничего нет. Как бы я хотел отказаться от сочувствия, сопереживания и всего остального... Поэтому я вышел как можно быстрее, не позволяя чувствам все больше повлиять на меня. Дойдя к лифту, недолго раздумывая, я поднес карту к панели – разблокировка отключилась. Послышался движущийся снизу лифт, и спустя несколько секунд двери открылись передо мной. Обычный лифт, не считая маленьких царапин на стене, причем они сделаны человеком. Нажал кнопку, двери закрылись, и я поехал вниз.

Запись 31

Двери медленно закрылись за моей спиной, еще с минуту, крепко держа пистолет, я осмотрел все вокруг, но лифт приехал быстрее, чем я ожидал, и, выйдя, я даже не обернулся. Оказался в большом помещении, справа две двери, все помещение делится толстым стеклом на две части. Подошел вплотную и сначала ударил ближайшим стулом, потом сделал пару выстрелов – повреждения были слегка заметны, но не более. На этой стороне лишь одна дверь ведет туда, куда мне надо, – та, что слева. Пройдя через нее, оказался в начале длинного коридора, в паре метров впереди поворот направо, через него попаду за другую сторону стекла. Света почти нет, лишь вдалеке еле работает свисающая с потолка лампа, словно ее сбили. Включив свой фонарик, скрестив его с пистолетом на вытянутых руках, не спеша иду вперед, приостанавливаясь перед дверьми.

За поворотом еще метр – и направо, а там почти до конца. Я так и поступил, не спеша свернул направо, максимально осторожно делая шаг за шагом, но в быстром темпе. И после поворота было еще одно перекрестье, где опять следует повернуть направо. Сначала я думал, что мне показалось, но, приглядевшись, увидел в левом проходе нечто совершенно необычное. Это похоже на большое переплетение трубопроводной жидкости, как паутина, окутавшая весь коридор, стены, пол, потолок, – все было в этой черной смоле, в нитях разных диаметров, но главное, оно живая. Словно слизь, она циркулирует по своим же каналам, испуская странный, еле уловимый запах грязи или гнили.

Дошел до двери, за ней другая сторона стекла – даже не знаю, зачем все так сложно. Только собрался открыть ее, послышался некий храп, доносящийся слева, где на полу сидит маленькое создание размером чуть больше взрослой кошки. Быстро осветив его и нацелив на него пистолет, все ожидаю каких-то действий, нападения или запугивания, но ничего не происходит, оно просто сидит и смотрит на меня. Может, внешний вид, покрытый разными наростами, может, его глаза или сам факт трагичного существования этого создания заставляет меня это чувствовать, но, подойдя ближе, оставляя между дулом пистолета и его головой лишь сантиметров десять, я понимаю, что происходит. Всегда есть тот, кому хуже, и все мною пережитое – лишь капля по сравнению с его мучениями, и я начинаю понимать, что оно ждет от меня. Выстрел – мертвое тело упало на пол.

Запись 32

И вот я у двери, рядом с которой подписан владелец кабинета: «Нолан Росс». Не могу даже представить, чего ожидать внутри, да и не хочется, что уж скрывать, надо не думать, а просто делать. Ведь откровенно говоря, я четко понимаю, мне не важно жив он или же давно умер, главное – узнать точно все произошедшее с ним, узнать любым способом, ведь именно из-за меня он на этой станции. Дверь открылась, и, заходя вовнутрь, я откуда-то уже знал, какой результат предстанет перед глазами, ибо глупо было надеяться на отличие от того, какой ныне представленная станция: пустая и брошенная. Вся правая стена в стеллажах, забита пустыми контейнерами из-под еды и инструментами. У левой стоит стол с компьютером, по левую руку от двери между стеной и столом – кровать, а напротив меня на стене – огромная схема Вектора. Все покрыто толстым слоем пыли, и окружение явно отдает уютом и ощущением чего-то родного. Включив компьютер, первое, что увидел, – это документ с надписью «прочеть». Я колеблюсь, открывать его или нет. Ради этого я проделал такой путь – а теперь боюсь узнать правду. И стоит лишь на мгновение представить, как далеко меня может завести страх разочарования, так сразу же хочется избавиться себя от возможности раскрытия истины, способной разрушить мой мир последствиями, пережить которые у меня вряд ли будет здесь возможность. Могу ли я оставить все как есть, и нашу с ним историю, разлучившую на долгие годы, не получившую должного завершения? Ужасные мысли, приводящие меня к пониманию, что если я отступлюсь от изначального плана и все пережитое обесценится, то я вряд ли буду отличаться от кого-либо из тех, кто так и не выбрался.

«4 января

И вот я стал писать дневник, как и посоветовала Эмили: мол, очень помогает расслабиться и выплеснуть негативную энергию – посмотрим. Итак, с чего начать... ну, я, в общем, уже год работаю здесь, на исследовательской станции Вектор, и знаю ее как свои пять пальцев. Моя должность – это главный инженер в жилом секторе, по факту слежу за технической частью – свет, вода и всякое такое. Поначалу было немного непривычно – все-таки я в космосе, – но вскоре это была уже не проблема, здесь люди довольно быстро учатся общаться друг с другом, невзирая на какие-либо разногласия. Вот только сегодня днем вместе с Маркусом, моим близким другом, вступили, так сказать, в небольшой книжный клуб. Звучит глупо и даже немного нелепо, почти все книги электронные, но, честно скажу, было довольно интересно. Правда, Эмили не особо этим интересуется, так что долго мы там не просидели. Знаю, что ты прочтешь дневник, моя дорогая, поэтому лишь напишу, что люблю тебя.

10 января

Перечитав запись, сделанную меньше недели назад, я просто не смог не написать о том, как все изменилось. Нет уже ни безопасности, ни спокойствия, ни доверия, ни доброты. Все жутко на нервах, везде охрана из-за неизвестного убийцы с долбаным мечом, прямо древние века какие-то. Даже не верится, что такое возможно здесь, в космосе, на самой совершенной станции. Уже два трупа, мы с Эмили переехали ко мне в кабинет – конечно, не лучший комфорт, но здесь безопаснее. Она психиатр, ее еще больше смущает и удивляет, как сильно люди переживают все это. А ее кабинеты не так и далеко, так что мы всегда рядом. Маркус даже пошел к психиатру, главный врач проводит терапию с каждым, чтобы хоть как-то поддержать людей, и это, кажется, помогает. В последнее время ему плохо спится, плюс, у него жуткое утомление, мы помогаем ему, как можем, но как долго нам самим не потребуется помощь психотерапевта, не ясно. Хотя в скором времени все равно заставят пройти обследование, это стандартный протокол.

Ко всему прочему, никого не пускают в тот исследовательский уровень, все пути заблокированы, и повсюду патрулирует охрана, разумеется, никто ничего не говорит. Люди начинают возмущаться, были попытки прорваться туда, но охрана усмирила буйных. А чего же они хотели: у многих там друзья, родные, неспособные вернуться в свои комнаты и к людям. Разве это не страшно – находиться в космосе изолированными от близких людей, практически от половины людей, удивительно, что такое допускают, словно ничего в этом странного нет... Изолировать все шесть уровней... ужас. Конечно, всех успокаивают, говорят, что это для большей безопасности и больших шансов поймать убийцу, но я не верю в это. Высшие чины пока не разрешают покинуть станцию, разумеется, из-за убийцы: мол, чтобы он не смог улететь, избежав расплаты за убийства, и все такое. Назначили группу доверенных людей, чтобы те расследовали убийства и искали виновного, и теперь нас ждут допросы, наблюдения и еще больше поднимающаяся паника.

15 февраля

Это моя последняя запись, не хочу писать слишком много. Стало только хуже, охрана в любое время начала обыскивать комнаты и любые помещения, без разрешения или уведомления. Введен комендантский час, теперь в туалет лишний раз не сходишь, словно мы в тюрьме. Многие камеры видеонаблюдения сломали, и у меня сильное предчувствие, что скоро начнется революция, в которой я совсем не хочу участвовать.

Два дня назад на меня напал убийца – да, тот самый, но, к счастью, я успел убежать, и, как обычно, следов того, кто это мог быть, нет, даже камеры оказались бесполезны. А мне перепал лишь неслабый испуг, и теперь Эмили одну не оставляю, ведь не хочу ее потерять вот так. Маркусу стало немного лучше – доктор помогла, Эмили приглядывает – и теперь он хотя бы высыпается. У Эмили тоже все хорошо, учитывая всю ситуацию на станции, и это, несомненно, придает сил терпеть. Самое главное – это то, что из-за изоляции и всего этого контроля людям только хуже, резко возросло недовольство, за которым следуют часто неконтролируемое поведение и апатичное состояние. Как же мы надеемся, что все это пройдет, и как только это случится, мы улетим, наконец, с Вектора, на планете все намного спокойнее.

Еще все больше людей подвергаются этому странному культу Сары, которая пропагандирует любовь и счастье, убеждая всех, что это лишь наше мировоззрение приносит ужас. Ходят и пишут везде надписи, попадая в конфликты с другими людьми. Сама же Сара заявила, что ничего плохого не делает и мы сами виноваты во всем. Настоящий дурдом. Странно еще вот что: уже неделя, как на Вектор никто не прилетел. Обычно всегда кто-то отсюда, кто-то сюда, но неужели все настолько серьезно, что даже прилеты запрещены? Скажу прямо: здесь творится какое-то дерьмо, все это не то, что нам обещали, и эта неизвестность рано или поздно обернется очень плохо для всех.

23 февраля

Это уже не запись и не письмо – это завещание. Три дня назад мы испытали на себе причину изоляции и странное поведение начальства и охраны. На Вектор совершено нападение страшных и непонятных монстров, тварей, ужасных созданий – называйте как хотите, но они сжирают любого на своем пути. Александр Краузен взял на себя лидерство, что позволило вовремя среагировать и не пустить этих созданий в жилой сектор. Я знаю, что это ненадолго, поэтому мы с Маркусом и несколькими добровольцами идем к главному мостику в надежде связаться с кем-нибудь или сделать хоть что-то, чтобы помочь людям. Связь и так нигде не работает, если и там нет связи... не знаю, это страшно. Эмили все понимает и не удерживает меня, за что я очень благодарен ей, но все равно я понимаю, как она переживает, ведь сам не хочу оставлять ее одну. У нас есть оружие и точный маршрут, мы просто обязаны справиться, люди рассчитывают на это. Да и больших вариантов нет, желания сидеть и ждать, пока меня

сожрут, тоже не наблюдается, к тому же так хоть есть шанс спасти Эмили, о потере которой я и думать не хочу».

Запись 33

Прошел час, а может, и два, я все сижу и перечитываю то, что писал мой брат еще при жизни, снова и снова. Разве не этого я должен был ожидать, пройдя весь путь сюда: не было не единого шанса, что он жив, в глубине я знал это – и все равно боль, как тиски, сжимает это понимание, не позволяя отпустить надежду, которой и не должно было быть. Краузен говорил, что из группы никто не вернулся, прошло больше трех лет. Прокрутив в голове все прочитанное и прибавив известное от окружения, я просто швырнул стул о стену. Созданный шум еще больше подстегнул меня, вот-вот я сорвусь, смотря в пустоту у себя под ногами, ощущаю, как слеза течет по щеке, а мои руки сжаты достаточно крепко, что бы ногти впивались в кожу. А главное, я лишь сейчас четко понимаю, что все в итоге из-за меня. Это никак не приживается – его смерть, то сообщение и, главное, впустую проделанный путь. Ненароком наступает простейшее понимание, больше меня здесь ничто не держит, и это дарует ощутимое всем телом облегчение. Каждый прочитанный дневник, каждая запись заставляли почувствовать боль этих людей, и каждый раз я напоминал себе, что я не один из них, словно из совсем другого мира, ну а теперь же нас объединяет личная утрата, трагедия в которой виноват каждый. Все медленно спутывается в невообразимый клубок, как понимание, так и отношение, и когда я выпустил долю злости в сопровождении яростного крика и нескольких ударов по стене кулаками, словно озарение нахлынуло на меня.

Злость все так же кипит, но теперь она помогает сосредоточиться. Все это время я шел сквозь этот хаос в надежде найти брата, но истина состоит в том, что мне важна его судьба, а не жизнь. Мне достоверно известно: тело найти невозможно, их вообще нет, а вот что есть везде и всегда – это информация. Он добрался до мостика – мне ведь пришло сообщение, верно? Есть ли вероятность, что я не единственный, кому он писал, невзирая на ситуацию? И удивительно, как между мной и Эмили он выбрал меня. Ответы на вопросы прямо передо мной, главное – хорошо искать, что я и сделал. Открыв электронную почту, увидел последнее письмо, и оно именно ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.